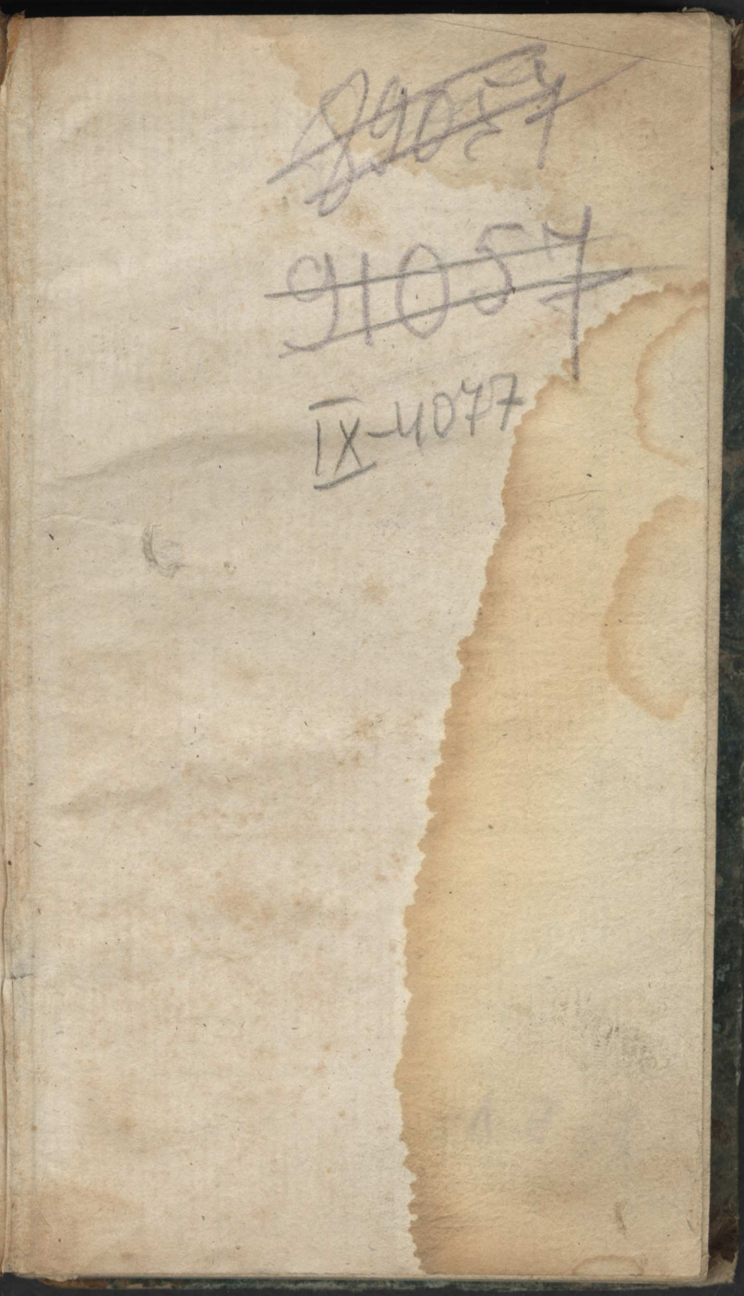

ЛИБМАНЪ,

НѢМЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ

СОЧИНЕНІЙ Г. Д. АРНОЛДА.

Переведена

съ

ФРАНЦУЗКАГО ЯЗЫКА

МОИСЕЕМЪ СМИРНОВЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1781 ГОДА.

ЛИБМАНЪ,

НѢМЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ.

Какія причины позвали меня въ Нѣмецкую землю, о томъ обществу знать кажется не нужно, то только объявлю, что я по прибытіи моемъ туда старался какъ можно вызнать мѣсто моего пребыванія. Къ возбужденію сего во мнѣ любопытства, довольно было однихъ моихъ чувствій: ибо какъ можно было въ самомъ дѣлѣ не заняться такимъ мѣстомъ, которому я обязанъ вѣчною благодарностію; и чтобы могло привесть въ забвеніе мое отечество, естьлибъ сей впечатлѣнный во мнѣ образъ въ силахъ былъ я загладить, и изтребить его изъ моего сердца? я объѣздилъ всю Богемію. Сіе происходило въ то благопріятнѣйшее время, когда прекрасныя ночи равняются красотою своею свѣтлымъ днямъ. Благорастворенный воздухъ, тихое дыханіе зе-

 фира,

фира, слабое сїянїе луны, незатмѣваемое никакими облаками, повсюду царствующая тишина, которая, казалось возвѣщала болѣе успокоенїе, нежели утружденїе природы, слабое пѣнїе насѣкомыхъ, журчанїе потоковъ извивающихся въ пространнѣйщихъ долинахъ, и сїе щастливѣйшее разноличїе предмѣтовъ и прїятная дикобразность мѣстоположенїй, ускользаемыя отъ вниманїя душъ простыхъ, но пожираемыя съ жадностїю взоромъ малаго числа людей чувствительныхъ, возхитили мою душу, и произвели во мнѣ сїю сладкую задумчивость, въ коей я любилъ погружаться, и которая составляетъ наипрїятнѣйшее услажденїе для чувствїй, неизвѣстное живущимъ посреди мятежностей городскихъ и томящаго прилива и отлива суетностей ихъ сообществъ.

Я ѣхалъ верхомъ, и въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ моего служителя, желая быть одинъ, и углубясь во внутренность моего сердца, предаться безъ помѣхи моимъ размышленїямъ: таковое разположенїе безъ сомнѣнїя удобно было исполнить меня сею прїятною задумчивостїю, которая можетъ быть есть изъ первѣйшихъ удовольствїй нашея души. Мы приближились къ одному мѣстечку,

стечку, коего внѣшній видъ обѣщалъ довольно знатное пространство. При вьѣздѣ во оное находилось одно кладбище; таковыя мѣста призываютъ обыкновенно къ размышленіямъ, и случай или лучше сказать меланхолическое мое сложеніе, которое въ сіе время начинало противъ воли надо мною господствовать, побудило обратить глаза мои на сію сторону, и особливо на то мѣсто, гдѣ многочисленныя сосны прикрывали густыми вѣтвіями своими нѣкую возвышенную гробницу; и человѣкъ опершись о сей печальный монументъ обнималъ отъ времяни до времяни съ большимъ возхищеніемъ, и изпуская тяжкіе вздохи, изъявляющіе жестокую печаль. Сожалѣніе тотъ часъ овладѣло мною. Я помыслилъ въ себѣ: что конечно ето какой нещастнѣйшій отецъ, которой оплакиваетъ своего сына, или нѣжный мужъ, лишившейся незапною смертію своей возлюбенной супруги; или можетъ быть и любовникъ, котораго скорбь готова соединить съ предметомъ его печали. Между тѣмъ я далъ подъѣхать къ себѣ моему служителю, и не могъ удержаться, чтобъ не сообщить ему того, что во мнѣ произходило: чувствительныя сердца всегда ко отверстію готовы. Со-

страданіе, которое возмущало мой духЪ, отЪ часу болѣе умножалось, и влекло меня нѣкоторымЪ образомЪ, направить путь мой кЪ сему мѣсту; приближаясь кЪ нему, произвелЪ я умышленно нѣкой шумЪ, но человѣкЪ согбенный надЪ гробницею не перемѣнилЪ своего положенія, и казалось не примѣчалЪ моего поступка. Таковое равнодушіе привело меня нѣсколько вЪ изумленіе. Все казало вЪ немЪ сію глубокую печаль, которая побуждаетЪ человѣчество брать участіе, и стараніе по крайней мѣрѣ обЪ облегченіи, ежели не будетЪ возможности со всѣмЪ оную уврачевать. Есть правда нещастливые люди, коимЪ утѣшеніе причиняетЪ новые раны; они отвергаютЪ сЪ негодованіемЪ руку хотящую отерти слезы ихЪ, и такЪ, колико потребно осторожности и благоразумія вЪ обращеніи сЪ тѣми, коихЪ постигла напасть? иногда самая наша жалость, которою мы побуждаемся, бываетЪ безразсудна, и не только не утоляетЪ горести, но вящше оную усугубляетЪ; печаль походитЪ нѣкоторымЪ образомЪ на болѣзнь, она имѣетЪ свои часы припадковЪ, свои прихоти и огорченія, и для того должно почитать вЪ ней даже и самую несправедливость.

ТакимЪ

Такимъ образомъ я долженъ былъ хотя и съ трудомъ уступить сей опасности, дабы не простерти далѣе надлежащаго чувствованій моихъ которыя заставляли меня брать столько участія въ состояніи сего бѣднаго творенія; я отъѣхалъ отъ него оборачиваясь непрестанно назадъ, дабы еще его видѣть, и наконецъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду, однако сердце мое сохранило навсегда сіе печальнѣйшее зрѣлище. Какое размышленіе, какія мрачныя и тяжкія думы разлило оно въ моей душѣ о состояніи человѣческомъ и бѣдствіяхъ неминуемо съ бытіемъ нашимъ сопряженныхъ, о сихъ ложныхъ и скоро преходящихъ забавахъ и о всемъ, что относится къ жизни нашей, о сей жестокой истиннѣ печалей, кои сопровождаютъ насъ повсюду, и о концѣ насъ ожидающемъ! увы! сказалъ я самъ въ себѣ: колико мы нещастны! свойственно ли имѣть намъ сердце и любить? сіе жалостное созданіе, поразившее зрѣніе мое, безъ сомнѣнія страдаетъ отъ любви: вотъ начало всѣхъ золъ, и источникъ слезъ, коими орошаетъ оно сію гробницу, и кои ничево произвести не могутъ: земля не возвратитъ ему сихъ плачевныхъ останковъ, кои можетъ быть уже составляютъ бре-

нїе и прахъ, прахъ безчувственный ко всѣмъ симъ знакамъ преданности и печали. Северни или завтре, а можетъ статься и теперь должно такъ же испытать мнѣ сей жребїй разрушенїя. Но что я говорю? предмѣтъ всей нѣжности моей, сїя небесная красота, которая владѣетъ моимъ сердцемъ, которая въ немъ господствуетъ, хотя со мной и въ разлукѣ, но кою я люблю паче самаго себя. Естьли она достигнетъ до сей пагубной минуты..... Естьли подвергнется сему ужаснѣйшему опредѣленїю судбины..... О Боже! какое печальное позорище открываешь мысленному взору моему! такъ вотъ отъ чего произходитъ сїе сожалѣнїе. Ахъ! я чувствую съ лишкомъ теперь, что заставляетъ меня брать участїе въ напастяхъ другихъ.

Я отвратилъ мое вниманїе отъ сихъ печальныхъ помысловъ, чтобъ заняться опять причиною, которая во мнѣ оныя произвела: образъ сего нещастнаго отъ часу болѣе впечатлѣвался въ моемъ сердцѣ.

По прибытїи моемъ въ мѣстечко остановился я въ ближайшемъ трактирѣ. Первое мое попеченїе было, чтобъ послать поскорѣе по трактирщика, и спросить его, не может

жетъ ли онъ подать мнѣ какова свѣденія о семъ человѣкѣ, котораго я видѣлъ на кладбищѣ, аки пригвожденнаго ко гробу, и обливающаго оный слезами. Я знаю довольно, отвѣтствовалъ трактирщикъ, етого человѣка, о которомъ вы говорите, такъ какъ и всѣ жители сего мѣстечка; онъ есть одинъ изъ нашихъ дворянъ, коего родъ произходитъ отъ давныхъ временъ: онъ называется Либманъ, человѣкъ прелюбезнѣйшаго свойства; мы его здѣсь прозвали отцомъ бѣдныхъ и нещастныхъ. Въ протчемъ онъ убѣгаетъ всякаго сообщества, а изливаетъ свои благодѣянія чрезъ одного изъ нашихъ духовныхъ; сей одинъ токмо и есть, который имѣетъ къ нему доступъ; онъ препровождаетъ время свое по большой части въ чтеніи, и прохаживаясь одинъ, а по вечерамъ ходитъ и оплакиваетъ по нѣскольку часовъ сряду сей монументъ, которой вы примѣтили; послѣ чего возвращается опять въ свое уединеніе, которое есть самой нужной и плохенькой домикъ изо всего селенія. — Но вы мнѣ не сказали того, чего наиболѣе мнѣ знать хотѣлось: ета гробница . . . . . — она заключаетъ въ себѣ молодую особу, которая была красоты преудиви-

 тель-

тельной, о коей можно было судить и по увядшимъ и обезображеннымъ болѣзнїю ея чертамъ! Она умерла здѣсь, и графъ определилъ своимъ жилищемъ тотъ самый домъ, въ которомъ она скончалась. — А кто она была такова? — мы о томъ незнаемъ. — Но вы мнѣ сказывали, что онъ любитъ прохаживаться? — Да онъ прохаживается и обыкновенно въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ здѣшняго лѣсу — Что? можно ли съ нимъ когда нибудь поговорить — О! пожалуй говорите съ нимъ сколько вамъ угодно; но вы въ отвѣтъ не получите отъ него ни слова.

По окончанїи сего отпустилъ я моего трактирщика, котораго разговоры еще больше возбудили мое любопытство. Безпокойствїе мое отъ часу болѣе умножалось, и я горѣлъ нетерпѣливостїю узнать объ участи сего трогающаго созданїя. Наконецъ предпрїявъ употребить все, что только можно было, къ удовлетворенїю своего желанїя, придумалъ я одинъ способъ, и ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ о произведенїи въ дѣйство принятаго намѣренїя. Я призвалъ моего служителя, и обѣявилъ ему, что намѣренъ пробыть въ семъ мѣстѣ нѣсколько дней; потомъ велѣвъ себѣ показать сей лѣсъ, спѣ-

шилъ

шилъ туда отправиться, какъ наивозможно скорѣе: однакожъ не могъ найти того, чего искалъ. На слѣдующій день поѣхалъ я опять съ тѣмъ же, чтобы отъискать его непремѣнно, и насилу, возвращаясь уже назадъ, примѣтилъ, что нѣкто прохаживался съ книгою въ рукахъ, возводилъ отъ времяни до времяни глаза свои на небо, изпускалъ тяжкія стенанія, и паки за чтеніе принимался; я ни мало не сомнѣвался, чтобъ это не былъ тотъ самый, котораго я искалъ съ толикимъ раченіемъ; когда я приближился къ нему, то увидѣлъ человѣка лѣтъ около сорока; никогда изряднѣйшее разположаніе лица не встрѣчалось еще глазамъ моимъ; онъ былъ больше, нежели прекрасенъ: всѣ черты его лица возбуждали ту сильнѣйтую склонность, которая обьемлетъ душу, господствуетъ и повелѣваетъ любить; станъ его былъ благородный и величественный; глаза его полные слезъ были весьма трогательны и изображали глубокую печаль. Я подбѣжалъ къ нему и зная языкъ его, съ торопливостію сказалъ ему: государь мой .... государь мой, простите моему дерзновенію; влекомъ будучи жалостію, не могъ я онаго пресилить. Вчерашній день вѣжая въ сіе мѣстечко, я

видѣлъ васъ погруженныхъ въ горести, и въ такомъ положенїи, которое привело меня сперва въ удивленїе, но скоро потомъ сострадание заступило мѣсто онаго; однако я не посмѣлъ тутъ послѣдовать тѣмъ движенїямъ, кои меня къ вамъ влекли; а старался только имѣя мысли исполненныя вами, извѣститься исправно обо всемъ, что до васъ касается, отъ другихъ; но мнѣ сказали одни токмо начальныя причины вашея печали. Моей печали, прервалъ Либманъ, пронзительнымъ голосомъ! скажите лучше, моего ужаснѣйшаго отчаянїя . . . . Никогда человѣчество не было толико нещастно. — Государь мой, вы вдохнули въ меня склонность, которая нарушаетъ всѣ правила, и всякую благопристойность въ обществахъ соблюдаемую; я нетерпѣливо желаю васъ узнать: для меня прїятно соболѣзновать о нещастномъ, умилятся, и съ нимъ проливать свои слезы; я иностранецъ, не имѣю ни заслугъ ни достоинствъ; но имѣю сердце, сердце чувствительное и тронутое вашимъ состоянїемъ, ... нѣтъ, вы не отречетесь выслушать меня, и дозволите мнѣ по малой мѣрѣ соучаствовать въ вашихъ горестяхъ, естьли не могу я оныхъ облегчить.

Но

. . — Но государь мой . . . . . — такъ, такъ, я знаю, что мой поступокъ несправедливъ и безразсуденъ, которой на глаза всякаго показался бы непростительнымъ: но вы смотрите на одни чувствїя мои: кому ихъ лучше вѣдать, ежели не вамъ? чувствїя, говорю я, кои меня поработили, и принудили нарушить уставы обыкновенїя. Состоянїе ваше до того меня тронуло . . . . одной минуты довольно было, дабы возъимѣть къ вамъ привязанность, которая пребудетъ во мнѣ до послѣдняго моего издыханїя. Либманъ устремивши на меня взоръ свой и воздохнувши сказалъ: вы чувствительны, государь мой! такъ по етому довольно и нещастны! — такъ; чувствительность моя причинила уже мнѣ безчисленныя муки: но сїи муки для меня любезны: слезы мною проливаемыя, усладительны моему сердцу; и я не промѣняю сего излишества моихъ чувствованїй на высокомѣрную твердость сихъ хладныхъ и основательныхъ мудрецовъ, кои украшаютъ себя титломъ безчеловѣчнаго мужества. Нѣтъ никого для меня чужеземца: всякъ меня трогаетъ, и становится ближнимъ, какъ скоро увижу его страждущимъ. Изъ сего судите, государь мой, должна

ли была овладѣть моимъ сердцемъ и занять меня глубокая ваша задумчивость.

Я вошелъ съ графомъ въ подробнѣйшее открытіе, никогда душа моя не изливалась съ такою живостію, какъ въ сіе время; наконецъ, въ кратчайшее время здѣлался ему столько знакомъ, какъ бы наше соединеніе продолжалось чрезъ многія лѣта. Надобно, сказалъ онъ мнѣ съ умиленіемъ, покориться склонности, которая и меня въ пользу вашу преклоняетъ. Я положилъ нѣкоторый родъ обѣта, дабы мнѣ ни съ кѣмъ не сообщаться, и хранить глубокое молчаніе о причинѣ снѣдающей меня горести, которая, чаю низринетъ меня скоро во гробъ: ибо не смотря на то, что вѣра утѣшаетъ меня и подкрѣпляетъ, я чувствую, что мнѣ не можно болѣе оной супротивляться: я повинуюсь, такъ какъ и вы, сердечнымъ моимъ движеніямъ, кои насъ другъ съ другомъ сопрягаютъ; можетъ быть небо низпослало васъ собрать останки печалію разрушеннаго бытія моего; подите со мною, подите и посмотрите на сіе пристанище печалей; здѣсь то, примолвилъ онъ съ горестными слезами, лишился я наидостойнѣйшей обожанія женщины.

Я слѣдовалъ за нимъ, и мы прибыли въ его жилище, которое гораздо обветшало. Мы прошли черезъ комнату, въ которой стояла довольно многочисленная библїотека. Увы! сказалъ мнѣ графъ, не стало больше для меня утѣхи! я искалъ его въ сихъ книгахъ: они всегда въ моихъ рукахъ и предъ глазами; но никакой отрады прискорбной душѣ моей не подаютъ. Всїо умолкло предо мною, и всїо умершее есть для меня! потомъ прошли мы другую комнату, въ которой украшенїе было самое простое, и постеля стояла не прибраная. Изъ всѣхъ вещей, кои наиболѣе привлекали зрѣнїе мое, былъ портретъ поставленный на налоѣ, и покрытый чернымъ покровомъ. Вотъ, вскричалъ Либманъ, подбѣжавши къ налою и ухватя портретъ, вотъ образъ, который я вседневно орошаю моими слезами и которой приметъ мое послѣднее дыханїе: по семъ учиня благоговѣйное лобзанїе, и вздохнувъ тяжко, положилъ опять его на налой, ахъ! государь мой, какую тайну извлекаете вы изъ моего сердца? чего вы отъ меня требуете? того ли, чтобъ я открылъ вамъ мои раны? вѣдайте, что сїе меня терзаетъ, поражаетъ и возжигаетъ пламень во внутренности моего сердца

. . . . Нѣтъ, государь мой, нѣтъ, я не могу на сіе рѣшиться. Я взялъ Либмана за руку, обнажилъ предъ нидъ мое сердце, готовое внимать сію толико чувствительную повѣсть. Повѣрте мнѣ, сказалъ я ему, что сколь бы чрезмѣрно ни было мое желаніе узнать ваши печали, но я бы могъ оное преодолѣть, ежелибъ не чаялъ оказать вамъ тѣмъ услугу, и облегчить печаль вашу, понудивъ васъ расказать мнѣ ваши злоключенія, сердечныя сокрушенія суть первѣйшія напасти, но ихъ бремя не столько становится тягостнымъ, когда намъ можно его съ кѣмъ раздѣлить. И ктожъ бы могъ больше быть тронутъ вашимъ состояніемъ, ежели не я? я вамъ повторяю, что я пріѣхалъ единственно съ тѣмъ, чтобъ быть вашимъ утѣшителемъ, и вашимъ другомъ; такъ, государь мой, вашимъ нѣжнѣйшимъ другомъ, ваши напасти будутъ собственныя мои, и сердце мое будетъ всегда отверсто слезамъ вашимъ Либманъ произнеся жалостный голосъ, началъ повѣствовать слѣдующимъ образомъ.

Я не по хвалюсь ни богатствомъ, ни моею породою; сіи преимущества можетъ быть способствовали мнѣ къ тому лишъ, чтобъ учинить меня несчастнымъ; они доставили мнѣ бѣдствен-

ственныя средства къ моему воспитанію, и удоволствованію всѣхъ моихъ вкусовъ препагубныхъ безъ сомнѣнія по моей чувствительности, и которыя я простеръ до излишества. Отъ самаго моего младенчества, я былъ пораженъ такою истинцою, которая меня ужасала: я видѣлъ самъ, что не было въ людяхъ ни дружбы, ни любви, хотя они о томъ и часто говаривали, и отъ сего здѣлалъ привычку опасатся таковыхъ союзовъ, которые основывались на одной корысти, однакоже сердце мое съ болѣзнію ощущало нужду любить. Я прилѣпился было сперва къ чтенію книгъ, но они меня скоро утомили: одихъ книгъ недовольно къ составленію нашего благополучія. Я уже вамъ сказывалъ, и испыталъ то довольно, что не смотря на отвращеніе, которое я имѣлъ къ цѣлому свѣту, чувствовалъ я, что нужно было имѣть тайнохранителя изъ существъ подобныхъ намъ, коего бы сердце, отвѣтствовало нашему, которое бы насъ внимало, говорило намъ и съ которымъ бы мы раздѣляли наши чувствованія, мысли, забавы и печали. Все, что ни окружало меня, возвѣщало мнѣ, что я долженъ умереть въ нищетѣ, посреди всего изобилія, что общество являло мнѣ одни приз-

призраки, а никогда не показывало предмѣтовъ въ истинномъ ихъ видѣ, и что слѣдовательно нѣжность и щекотливость моя не только не могли быть удовольствованы, но паче раздражены были бы сими ложными забавами, кои сладострастной и обманчивой свѣтъ намъ предлагаетъ, а особливо воспрїялъ я столь странную мысль о любви, что съ трудомъ могъ открыться въ томъ самому себѣ, чего я желалъ: сїе было нѣчто больше, нежели красота, которой искалъ я къ своему обоженїю: я хотѣлъ найти сердце, которое бы мною однимъ пылало, которое бы всѣ свои желанїя ограничивало на мнѣ единомъ, которое не имѣло бы другихъ чувствїй, кромѣ тѣхъ, которыя я вдохну, и кои бы собственно ко мнѣ относились; однимъ словомъ, я желалъ быть пигмалїономъ, и оживотворить статую, которая бы всю свое бытїе мнѣ посвятила. Съ какимъ утѣшенїемъ представлялъ я себѣ неразрушимые прелести, жаръ чистѣйшїй, и постоянный сихъ воздушныхъ красотъ, толико превышающихъ земногородныхъ тварей, коимъ дано названїе Силфидъ! я домогался нѣжныхъ чувствованїй и услажденїй, какихъ сердца человѣческїя вкушать не способны. Утверждаясь

ждаясь день отъ дня въ семъ мнѣнiи моемъ, убѣгалъ я всѣхъ забавъ и сообщенiя съ моими сверстниками. Матери моей лишился я еще въ самой юности, а отецъ мой скончался на сраженiи противъ *** такимъ образомъ здѣлавшись. въ восмнатцатилѣтнемъ еще возрастѣ моемъ независимымъ ни отъ кого и владѣя знатнымъ имѣнiемъ, первое мое было попеченiе, чтобъ оставить городъ и удалившись отъ двора, преселиться въ нарочито изрядную землю въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ ..... Книги мои были при мнѣ, и я предался моимъ умовоображенiямъ, или лучше сказать, моимъ печалямъ, кои довольно меня изобличали, что я былъ снѣдаемъ такимъ родомъ страсти, которой навсегда буду безплодная жертва, тѣмъ наипаче, что мнѣ не можно было сыскать себѣ въ другомъ полѣ такого друга, какого душа моя желала: но непреоборимый рокъ жребiя моего одержалъ верьхъ надъ моимъ разсудкомъ, мнѣ надлежало побѣдить сердце свое; но оно уже мною владѣло. Увы! оно есть найсамовластнѣйшiй нашъ повелитель, и коего однакожъ по слѣпотѣ своей меньше всего мы опасаемся.

Я сталъ стараться украшать мѣсто моего жилища, собралъ найпрекраснѣйшiе и благовоннѣйшiе цвѣты;

я бы хотѣлъ знать таинства Магіи, дабы изтощить на то все чародѣйство. Таковыя упражненія раздѣляли мое время, но желаній моихъ не исполняли. Въ сихъ роскошныхъ мѣстахъ и въ сихъ удивительныхъ садахъ, недоставало Армиды, и ктожъ бы въ глазахъ моихъ заслуживалъ сіе названіе? одинъ предмѣтъ божественный, каковый я предначерталъ себѣ, и котораго найтить не льстился, развѣ бы небесамъ угодно было произвести чудо въ мою угодность, чего однакожъ не могъ надѣяться. Тайная скука сопровождала меня повсюду. Кому могъ я показать сіи, разцвѣтающія розы, сіи рощи составленныя изъ рѣдкихъ деревъ, и воды играющіе въ каскадахъ, или теряющіяся въ дернѣ украшенномъ зеленью непрестанно возобновляющеюся? съ кѣмъ бы могъ я разсуждать о красотѣ природы, и о семъ удивленія достойномъ свѣтилѣ, которое поставлено кажется управлять всѣмъ міромъ? въ чьи бы нѣдра, наконецъ изліялъ я всѣ чувствованія собравшіяся въ моемъ сердцѣ? я вставалъ и ложился въ постелю утружденъ моимъ уединеннымъ щастіемъ, однакоже принялъ себѣ за правило, чтобъ отнюдъ не вдаваться вихрамъ общества.

По-

По случаю жена моего садовника родила дочь, которая предвозвѣщала въ себѣ собранїе всѣхъ прелестей. Я тотъ часъ принялъ намѣренїе, которое всякому, опричь меня, показалось бы безразсуднымъ и къ исполненїю невозможнымъ; разумъ мой заблуждался, въ чудесностяхъ; сердце мое его распаляло; таковое воображенїе обьемлетъ съ жадностїю все, что ни постигаетъ, оно невозможнаго ничего себѣ не представляетъ, всѣ препятствїя уповаетъ отвратить, и мечты кажутся ему существенными видами. Такимъ образомъ принявъ намѣренїе воспитать сїю дѣвочку для осуществованїя предмѣта той любви, которую я можетъ быть одинъ въ состоянїи былъ чувствовать, предался я весь той мысли, которую другой бы отринулъ; но я ничего болѣе не хотѣлъ ни слышать, ни видѣть, опричь моей Амелїи [такое дано было имя сему младенцу] я сообщилъ мое намѣренїе ея родителямъ, и съ помощїю довольнаго числа денегъ удобно побѣдилъ ихъ упорство, и склонилъ на всѣ мои желанїя. И такъ положено было между нами, чтобъ Амелїя ни ково опричь меня и своей матери не видала; и чтобъ ея первые взоры раздѣлялись только между нами двумя. На-

Наконецъ я сыскалъ обладательницу моего сердца, которой я толь ревностно желалъ; такъ, говорилъ я самъ въ себѣ, желанія мои теперь совершились; нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе для Либмана, какъ толко одна Амелія; вотъ высочайшая цѣль, къ которой всѣ мои старанія, всѣ мои обѣты и самая жизнь относилась; я хочу, чтобъ она представляла себѣ, что нѣтъ на земли другихъ тварей оприча ея матери, ея самой и ея любовника, ея обажателя; ахъ! я тотъ самый безъ сомнѣнія, которой у ногъ ея пребуду неотступно. О! какою сладостію сердце мое упоится, слышавши ея въ первый разъ составляющую произношеніе словъ! имя мое всеконечно будетъ первое слово, которое она произнесетъ; первые стопы ея будутъ направлены ко мнѣ, и первыя ея чувствованія будутъ любовь ко мнѣ, да какъ мнѣ и не быть ею любимымъ? я буду упреждать самомалѣйшія ея желанія, и она будетъ моя самовластная обладательница. Такимъ образомъ всякой день присовокуплялъ я нѣчто къ моему плану, и всякой день мое благополучие возрастало. Я не выходилъ изъ того покоя, въ которомъ заключался предмѣтъ мною почитаемый; ето было мое сокровище, о которомъ

торомъ ни одинъ скупой не имѣлъ толикаго попеченія и заботы. Глаза мои не сходили съ Амеліи, я примѣчалъ первые ея взгляды и улыбки и не уступалъ любви матерней; ничто не могло равняться съ моею нѣжностію; всякую минуту красота сего любезнаго младенца, казалось мнѣ, открывалась и возрастала. Въ какомъ я былъ восторгѣ, когда она косноязычно произносила мое имя? такъ моя возлюбленная, моя божественная Амелія, говорилъ я ей, какъ будто бы она могла меня разумѣть, такъ, Либманъ твой любовникъ, твой плѣнникъ, и ты его самовластная обладательница; онъ отъ часу будетъ тебѣ покорнѣе и преданнѣе, никово онъ, опрична тебя, любить и обожать не будетъ во всей природѣ.

Сія прелестная тварь возрастала, естьли можно такъ сказать, въ нѣдрахъ любви; она достигла уже до двенатцатилѣтняго своего возраста, и я не отлучался отъ нее ни на шагъ; ето была прекрасная роза, которая въ глазахъ моихъ распускалась, я зрѣлъ всѣ степени ея возращенія и украшенія; когда важивали дитя сіе по саду, то я имѣлъ предосторожность удалять всѣхъ взоры отъ нея, когда же ей случалось плакать, какое тогда я чувствовалъ мученіе!

Не

Не было ни одной капли слезъ ея, которая бы не вливалась во внутренность моего сердца, и не приносила съ собою жестокія печали; я не допускалъ такъ же, чтобъ и мать ея подавала ей хотя малѣйшую причину къ неудовольствію; ея воля и самыя прихоти были для меня не нарушимымъ закономъ. Ахъ! она уже предписывала мнѣ уставы, которые я охотно исполнялъ, ея невинныя ласки возжгли во внутренности моей пламень, которой отъ часу становился страшнѣе; колико-кратъ я заставливалъ ее повторять, что она меня любитъ, что любитъ отъ всего своего сердца! Ты любишь меня, дражайшая Амелія, ты меня любишь! нѣтъ, ты не чувствуешъ всей силы сего выраженія; ето я, которой тебя любитъ, тебя почитаетъ, тобою пылаетъ и тебя боготворитъ. Когда я биралъ сіе прелестное дитя къ себѣ на колѣни, тогда то пріятнѣйшая слабость разливалась по моимъ жиламъ! колико превосходили сіи удовольствія души моей, услажденія чувствъ моихъ! какое сладострастіе непостижимое прочимъ смертнымъ ожидало меня! И такъ, будетъ говорилъ я самъ себѣ, созданіе въ свѣтѣ, которое для меня единаго станетъ пребывать, кот[orое] не и-

кымъ чѣмъ будетъ наполнено, какъ токмо единымъ желанїемъ, чтобъ мнѣ угождать, и которое меня единаго будетъ любить, ни съ кѣмъ не раздѣляя своего сердца! я буду тотъ единственный предмѣтъ, къ которому станутъ относиться всѣ ея мысли, дѣйствїя, и самыя сокровеннѣйшїя чувствованїя! любовь, дружба верховнѣйшее блаженство для двухъ сердецъ, кои составляютъ единую токмо душу, такъ я буду вкушать ваши утѣхи!

Я не опустилъ изъяснить сродникамъ слѣдствїй мною предпринятаго плана; моего намѣренїя не было, чтобъ употребить во зло благопоспѣшныя впечатлѣнїя, которые я старался въ ней возбудить и возжечь; но я хотѣлъ когда Амелїя достигнетъ до такого возраста, въ коемъ могъ бы я увѣриться, что ея чувствованїя утвердились, непремѣнно все открыть и просвѣтить ее зрѣнїе: она бы узнала тогда истинну, увидѣлабъ, что есть другїе опричь меня люди, что есть общество, вѣра, должности, добродѣтели и обыкновенїя. Я не повергся бы въ ее объятїя, не утвердя закономъ священнаго обязательства: но мнѣ хотѣлось прежде утвердиться въ сердцѣ ея и въ немъ владычествовать, такъ

чтобъ

чтобЪ преселившись вЪ свѣтЪ молодая особа не утратила ничего изЪ чувствій чрезЪ посредство разума, просвѣщеннаго и обогащеннаго познаніями.

Я опущаю многія подробности, которыя легче чувствовать, нежели изобразить словами, и которыя никогда не будутЪ столь важны для васЪ, какЪ они были для нещастнаго бывшаго жертвою сильнѣйшія страсти. Амелія моя пришла вЪ сей ослѣпляющій возрастЪ, вЪ коемЪ молодая дѣвица подобится разпускающемуся цвѣту; казалось, что природа вЪ угожденіе мое произвела нарочно для меня сію удивительную красоту и пре[illegible]ти. ВЪ прочемЪ вы можете посмот[illegible] на сей портретЪ, которой онЪ мнѣ и подалЪ: онЪ уже правда смытЪ моими слезами, но вы можете еще извлечь слабое понятіе о сихЪ божественныхЪ чертахЪ, толь глубоко впечатлѣнныхЪ вЪ моемЪ сердцѣ. Недостаточное искуство не могло изобразить всей красоты ея очей; ахЪ! какЪ они были прелестны, нѣжны и выразительны, они обладали всею моею душею! каждый взглядЪ ея производилЪ во мнѣ смятеніе, которое я сЪудовольствіемЪ вЪ себѣ питалЪ! какое прекрасное чело; чистосердечіе, истинна, и самая природа, казалось, упокоева-

вались на немъ! ея уста, ея уста были подобны отверстїю распускающїяся розы въ полномъ цвѣтѣ красоты своей; тутъ то воспламененное воображенїе представляло себѣ источники сладчайшаго Нектара и Амброзїи; какое прїятное движенїе, какое восхищенїе, какой пламень разпространялся по моимъ членамъ, когда божественныя уста сего прекраснѣйшаго творенїя отверзались для произношенїя какихъ словъ и особливо моего имени! ни какое мусикїйское орудїе не имѣло толико прїятности и согласїя для моего слуха, какъ звукъ ея голоса. Бѣлокурые ея волосы играли нерадиво по плечамъ ея, а иногда были перевязан [illegible]нтою. Басни представляютъ намъ нимфъ свободнаго и легкаго стана, кои ходили по цвѣтамъ, едва касаясь оныхъ; такова была моя Амелїя; всѣ прелести ея оживотворялись безпринужденною и любезною веселостїю! я непрестанно спрашивалъ ее, Амелїя, прекрасная Амелїя, любишъ ли ты меня? съ такою ли нѣжностїю, живостїю и горячностїю ты меня любишъ, какъ я тебя? я бралъ ея руки, цѣловалъ и обливалъ ихъ слезами. Ахъ! государь мой, какое то было зрѣлище? вся природа тогда украсилась передъ моими глазами, казалось,

самыя небеса отверзлись моему зрѣнію. Амелія отвѣтствовала мнѣ проливая такъ же слезы: но какія слезы! ахъ! колико сердце мое возхищалось ими! она отвѣтствовала мнѣ, ты меня вопрошаешъ, Либманъ, люблю ли я тебя? могу ли я имѣть другія чувствованія? странное во мнѣ движеніе, котораго я не знаю причины, влечетъ меня и повергаетъ въ твои объятія; я не понимаю, моя мать любезна такъ же для меня, но я бы хотѣла еще больше, чтобъ ты былъ со мною неразлученъ; я думаю, что сіе меня бы облегчило отъ нѣкоего ига .... которое меня отягощаетъ.

Изъ сего судите, государь мой, о моемъ состояніи: въ какомъ я былъ тогда восторгѣ, и какія претерпѣвалъ мученія оному противоборствуя! Я вамъ уже сказывалъ, что я не хотѣлъ обманывать чистосердечія, толь прелестнаго творенія, и сея ангельскія души, которая не имѣла никакова понятія о благопристойности, не знала что то есть стыдливость, которая однимъ словомъ, была въ совершенномъ невѣденіи зла, и того, что есть ли ей подобные оприча ея матери и ея любовника; еще разъ повторяю вамъ, что я ожидалъ того лишъ, чтобъ ея нѣжность ко мнѣ здѣлалась не сомнѣнна и ненарушима; я откладывалъ всегда

тотъ

тотъ часъ, въ которой честь и долгъ повелѣвали мнѣ открыть и увѣдомить ее обо всемъ; сей странный опытъ безъ сомнѣнія прогнѣвилъ творца, и онъ меня за то караетъ. Таковое медлѣніе служило къ пущему моему воспламененію; мнѣ нужно было побѣждать себя, и повторять себѣ непрестанно; сіе сокровище, которое предъ моими глазами, и въ моихъ находится рукахъ, по времени будетъ законнымъ образомъ мнѣ принадлежать; я бы здѣлался гнуснымъ преступникомъ, естьли бы обманулъ простоту сей толь чистосердечной отроковицы. Не въ полномъ ли теперь духъ мой удовольствіи? а особливо когда Амелія глаза свои на меня возводитъ, и говоритъ мнѣ, что она меня любитъ, то не отверзается ли сердце мое къ потокамъ восхитительнѣйшей радости? сохранимъ въ цѣлости чистоту и непорочность нашихъ забавъ, и не станемъ обманывать невинность; я обнадежилъ въ семъ ея родственниковъ, и самъ себѣ обѣщался: станемъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ она возобновляла обѣщанія и клятвы, кои увѣряютъ меня о моемъ будущемъ благополучіи.

Амелія меня обременяла своими вопросами, кои подавали мнѣ непре-

 стан-

станное удовольствїе. Другъ мой, она мнѣ говаривала, учи меня, вить я не знаю ничего, ничего, какъ только тебя любить: есть ли что далѣе сихъ деревъ? (показывая мнѣ садъ, которой простирался далеко). — Любезная Амелїя, отвѣтствовалъ я, далѣе сихъ деревъ ничего нѣтъ, и все оными кончится. — Все кончится. . . . я тебя не разумѣю! — вотъ ето то, что называется земля и мїръ; о! для меня много цѣлаго свѣта; все сїе есть твое владѣнїе; ты въ немъ повелительница; ты будешъ въ немъ царствовать такъ, какъ ты царствуешъ въ моемъ сердцѣ —— Но кто насадилъ садъ сей, кто произрастилъ сей дернъ и цвѣты? кто раздѣлилъ сїи воды въ водоемахъ и протокахъ? кто построилъ етотъ домъ? — кто, Амелїя моя? . . . . кто? твой другъ, твой любовникъ, ето я; желанїе понравиться тебѣ, оживотворило во мнѣ силы, и я произвелъ всѣ сїи чудеса. — Ты создалъ сей кругловидной и лазоревой сводъ, которой плѣняетъ мое зрѣнїе, и сїе свѣтило, кое при каждомъ своемъ возхожденїи приводитъ меня въ радостный восторгъ? — Нѣтъ любезная Амелїя, не мною сїи чудеса произведены: есть бытие свыше меня, тебя и всего со-

зданїя.

зданія. Оно ни кѣмъ невидимо, но познаютъ его по его дѣйствіямъ, и твое сердце бытіе его исповѣдуетъ; его называютъ богомъ. — Богомъ, о! какъ бы я хотѣла его видѣть. —— Я тебѣ сказывалъ, что онъ скрывается отъ нашего зрѣнія, но гласъ его слышенъ въ нашей душѣ: —— Въ душѣ, а что такое есть душа? —— Она есть существо и лучь безсмертный сего несозерцаемаго нами бога, не разрушима и во вѣки имѣетъ пребывать . . . . По времени, Амелія . . . ты о семъ узнаешъ . . . . надлежитъ нѣсколько подождать. —— Сей богъ сотворилъ такъ же и птицъ, одаривши ихъ крыльями для полету, и рыбы всемѣрно его же суть творенія? —— Онъ все произвелъ, а мнѣ только дозволилъ разположить сей садъ и построить замокъ —— По етому онъ же создалъ тебя, меня и мою матушку . . . . но на что же мнѣ матушка? ты, ты мой другъ, ты нуженъ моему сердцу, и ты тотъ чистѣйшій воздухъ, которымъ я питаюсь; однако я люблю и мою матушку. —— Богъ для того ее создалъ, чтобъ она сохраняла тебя, чтобъ имѣла о тебѣ попеченіе въ юности твоей, чтобъ тебя питала и блюла —— Ахъ! сколь же я обязана

зана сему богу! какимъ онъ меня даромъ надѣлилъ, давъ мнѣ тебя и матушку мою! я пылаю къ нему ревностїю, желала бы его знать и видѣть. — Надлежитъ повергаться мысленно предъ нимъ, возносить ему вѣчную хвалу за жизнь и за всѣ его къ намъ благодѣянїя. — Такъ ты по етому не богъ? — Нѣтъ, онъ токмо единъ, и другому быть оприча его не можно; я существо такое, которое называется человѣкъ — Человѣкъ? да неужели одинъ только и есть человѣкъ? я вижу безконечность летающихъ по воздуху птицъ, и множество плавающихъ рыбъ ... а ты одинъ изъ своего рода? Такъ, любезная Амелїя, сей богъ толико милосердый создалъ насъ троихъ, тебя, чтобъ быть обладательницею сихъ мѣстъ, и моего сердца, мать твою, чтобъ она пеклась о твоемъ состоянїи, а меня, чтобъ тебя любить; сей богъ сотворилъ изъ мужеска пола, одного токмо Либмана.... Развѣ моего почитанїя для тебя не довольно? . . . . . и ты можешъ полюбить другова? — Ахъ! Либманъ, чѣмъ я заслужила таковую укоризну? Когда сїя земля, которая мнѣ кажется неизмѣрима, была бы наполнена людьми, то будь въ томъ увѣренъ, естьли тебѣ не трудно мнѣ повѣрить,

рить, что для меня никто не былъ бы тебя миляе. (Я бросившись къ я ногамъ) Амелїя, Амелїя, вскричалъ, повтори сїе прелестное обѣщанїе; какъ! ты бы искала моего взора? ты бы помнила обо мнѣ — Да развѣ можно любить многихъ? Я увѣрена въ себѣ, что для меня бы никто не могъ такъ нравиться, какъ ты. Моя матушка видно что не мужескаго полу? ибо я примѣтила въ себѣ, что хотя я и люблю ее чрезмѣрно, но она не возбуждаетъ въ душѣ моей такихъ восторговъ, какїя ты производишъ . . . а естьлибъ много было женщинъ, то сталъ ли бы ты любить другую такъ, какъ ты любишъ Амелїю? Ахъ! Божественная моя обладательница, естьли бы сей всевышнїй творецъ создалъ ихъ многїя тысящи, то при всемъ всемогуществѣ своемъ не могъ бы онъ болѣе наградить ихъ красотою, которая бы твою превосходила; я бы всѣхъ ихъ уступилъ за единой твой взглядъ — Либманъ, мнѣ весьма будетъ прискорбно, естьли ты что нибудь будешъ любить больше, нежели меня; все что я ни вижу теперь, тогда мнѣ будетъ противно; тогда и цвѣты не столь будутъ для меня прекрасными и благовонными казаться. — А ты обожаемая Амелїя почто

мнѣ не подтвердила, что естьлибъ было множество мнѣ подобныхъ, то непохитилибъ твоего у меня сердца? — я бы о томъ и понятія не имѣла. Нѣтъ, ничто, ничто неуподобится Либману. Пускай богъ по твоему прошенію нашлетъ тебѣ нещестное множество соперниковъ... то увидишъ, что я и не посмотрю на нихъ.

Я опять упалъ къ ее колѣнямъ; хотѣлъ было ее вывести изъ ея заблужденія, и признаться, что я ее обманывалъ, будучи симъ опытомъ доволенъ; но любовь меня удерживала, и страхъ сопровождалъ истинную нѣжность: а притомъ сіе незнаніе особы мною почитаемыя, было слабости моей пріятно! По семъ Амелія примолвила: — и такъ мы станемъ вѣчно любить другъ друга. (Тутъ появилось во мнѣ вдругъ необычайное движеніе, которое она тотъ часъ примѣтила) ты мнѣ кажется смущенъ! ты блѣденъ! или ты что отъ меня скрываешъ.... О! боже! такъ сердце мое не на вѣки будетъ съ твоимъ соединяться? — Амелія, я тебѣ отвѣтствую за мои чувствованія доколѣ я пребуду... — Доколѣ ты пребудешъ? какъ! что ето значитъ? — Такъ, наше пребываніе не вѣчно? твои прелести

увя-

увянутъ; ты состарѣешся. — А что такое значитъ, состарѣться? — То, что кожа твоя будетъ уже морщевата, и глаза твои не будутъ столь блистательны .... — По етому я и нравиться тебѣ перестану? — Нѣтъ, ты будешъ всегда единственный предмѣтъ всѣхъ моихъ желанiй; я стану тебя любить непрестанно ... Но придетъ смерть и насъ разлучитъ ... Ахъ! не хотѣлъ бы я испытать въ тебѣ сiю утрату — состарѣться ... умереть .... Умереть! ... Мое сердце престанетъ волноваться для тебя? — Твое сердце, Амелiя, лишится всѣхъ чувствованiй, не будетъ въ тебѣ движенiя; ты не будешъ меня слышать, не будешъ больше меня видѣть .... — Я больше тебя не услышу! я больше тебя не увижу! Ахъ! Либманъ, какой ужасной случай! какъ! я не могу больше и любить тебя? Либманъ, да развѣ богъ не можетъ отвратить сего злоключенiя? — Онъ можетъ безъ сомнѣнiя: но самъ онъ предписалъ сiи уставы своему созданiю, кои суть непремѣнны; ты развѣ не примѣтила, что дневное свѣтило меркнетъ, листы съ деревъ низпадаютъ, цвѣты увядаютъ и дернъ желтѣетъ? — Такъ, всемѣрно, но я примѣтила и то, что оно

опять восходитъ , листы произрастаютъ , и дернъ паки зеленѣетъ — Но съ нами рокъ поступаетъ жесточае, составъ нашего тѣла разрушится на вѣки. — и мы любить другъ друга перестанемъ! — Правда, что души наши не разрушимы и безсмертны . . . . — О! когда души наши пребудутъ неразрушимы , то я смерть понесу съ твердостїю.

Таковы то почти были наши разговоры. Вы теперь имѣете понятїе о моемъ благополучїи: оно было столько же прїятно, сколь и непорочно; такъ, я испыталъ , сколь много душевныя услажденїя превосходятъ чувственныя; въ какихъ я сладостныхъ погружался восхищенїяхъ! мнѣ не возможно было сомнѣваться, чтобъ я не былъ любимъ, и Амелїя никово не любила опричь меня. Въ какой утопалъ я роскоши, когда прохаживался я по саду съ моею обладательницею, наслаждаясь благопрїятнымъ временемъ, и когда отъ выспренняго зрѣлища уклоняясь, обращалъ глаза мои на сїю превосходнѣйшую красоту и прїятства! съ какимъ жаромъ, и съ какимъ восторгомъ я ей говаривалъ , и повторялъ неоднократно : ахъ ! какъ ты прекрасна, дражайшая Амелїя! и какъ я тебя люблю ! посмотри на сїи мѣста,

ста, они займствуютъ отъ тебя новую красу; примѣть, что сіи цвѣты живѣе и благовоннѣе становятся, когда ты взоръ свой на нихъ возводишъ; небесна синева блистательнѣе, и зелень покрывающая землю увеселяетъ больше зрѣніе; струи прозрачныхъ сихъ водъ свѣтлѣе и стремительнѣе протекаютъ; птицы воспѣвая, дивятся красотѣ твоей, отъ тебя густятся древеса и подъ свою кажется призываютъ тѣнь; все, Амелія моя, чувствуетъ власть прелестей твоихъ, и все предъ тобою уклоняется подобно какъ и твой любовникъ.

Однако мнѣ надлежало необходимо убѣгать ея объятій; мнѣ, который боготворилъ Амелію, должно было преодолѣвать себя, и отвергать искренныя знаки ея нѣжности. Какое то было для меня мученіе! мнѣ ничего не оставалось болѣе желать, какъ вкусить сладость священнѣйшаго обязательства; но я день отъ дня становился преступнѣе тѣмъ, что содержалъ ее непрестанно въ невѣжествѣ, въ которомъ она была воспитана. Все совокупно принуждало меня поспѣшать тою минутою, въ которую должна моя любезная обладательница выйти изъ своего заблужденія. Ея сродники меня про-

 сили

сили и угрожали жалобами; но есть, безъ сомнѣнія, нѣчто въ нашей природѣ, чтобъ имѣть непрестанныя желанія, и щастію своему не довѣрять. Я говаривалъ себѣ неоднократно. Такъ, я любимъ, я любимъ Амеліею, и не могу сумнѣваться въ ея чувствованіи, но какое же преимущество въ любви, когда нѣтъ ни единаго соперника? Сія молодая особа думаетъ, что я одинъ токмо и есть изъ мужескаго пола, для того и отдала мнѣ свое сердце. Разсмотримъ съ точностію мое мнимое благополучіе; сей даръ долженъ ли исполнить мои желанія! могу ли я быть совершенно щастливымъ? Естьли бы Амелія знала, что есть другія опричь меня люди. Естьли бы свѣтъ ученія озарилъ способности ея души, и она бы мнѣ въ то время сію жертву принесла, тогда то бы . . . . Вотъ верховнѣйшее блаженство, и превосходнѣйшее того, которымъ я похваляюсь. Мое тщеславіе можетъ ли возноситься такою побѣдою, которая основана на невѣжествѣ? Такимъ то образомъ все премѣняется и становится развратнымъ въ сердцѣ человѣческомъ. А къ томужъ я не ввѣрилъ еще ни одному изъ друзей своихъ тайны моея любви, безъ чего она теряетъ всю

своѣю

свою цѣну. Такъ видно не можно ни чѣмъ наслаждаться одному! Мое сердце отягощенное такъ сказать излишествомъ удовольствія искало облегчить себя изліяніемъ въ отверстыя нѣдра дружества. Наконецъ рѣшился я открыть сію великую завѣсу, скрывавшую природу отъ глазъ Амеліиныхъ: но прежде, нежели я приступилъ къ произведенію въ дѣйство такова предпріятія, отъ коего зависѣло все благополучіе жизни моей, вознамѣрился я возобновить пріязнь съ однимъ изъ бывшихъ еще въ ребячествѣ моихъ друзей по имени Римбергомъ.

Либманъ не окончавъ еще своей рѣчи, повергся въ жесточайшую печаль. Онъ пребылъ долгое время въ глубокомъ молчаніи, наконецъ собравшись съ чувствами, и имѣя глаза наполненныя слезами, началъ паки продолжать свое повѣствованіе: я вамъ уже нарекъ виновника моихъ напастей: при имяни его всѣ скорби моего сердца возобновляются. Сей примѣрный развратникъ соединялъ въ себѣ всѣ роды чародѣйства: онъ къ красотѣ своего стана присовокуплялъ гибкость разума, и ласку тѣмъ наипаче опаснѣйшую, что острота его изобильнѣйшая въ коварствахъ, скрывалась подъ видомъ простоты и чисто-

стосердечія. Я сообщилъ ему тайну моего сердца; онъ увидѣлъ, такъ сказать, души моей самомалѣйшія чувствованія; посемъ я описалъ ему прелести обладательницы моего сердца; но сего не довольно, я поступилъ еще больше: повезъ его съ собою въ мой замокъ: старался поставить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, не будучи видимъ, могъ свободно смотрѣть на Амелію. Чтожъ вы думаете? я нашелъ его погруженнаго въ изумленіи и восторгѣ; и онъ то заставилъ меня возчувствовать всю цѣну моего сокровища! Сіе смятеніе было выразительнѣе всѣхъ его похвалъ, которыя бы онъ могъ расточить. Наконецъ вышедъ изъ безпамятства своего съ восхищеніемъ сказалъ мнѣ: ахъ! любезный другъ! что я видѣлъ! ты описалъ мнѣ образъ ея какъ смертной; но ето нѣчто выше человѣческой красоты; ето нѣкое божество я видѣлъ. Я съ поспѣшностію отвѣтствовалъ ему: ето еще самая малость, что вы видѣли въ ней; надобно бы вамъ узрѣть драгоцѣнность кроткія ея души и изящество ея чистосердечія и откровенности, такъ другъ мой, Амелія должна быть изключена изъ числа прочихъ тварей; всевышній творецъ ея создалъ нарочно для человѣка страстнѣйшаго

и

и чувствительнѣйшаго изъ смертныхъ.

Сей преступникъ не рѣдко хаживалъ ко мнѣ, и каждый разъ я доставлялъ ему сіе зрѣлище, которымъ онъ отъ часу больше поражался. Онъ ободрилъ меня довольно въ моемъ предпріятіи, что надлежало необходимо возбудить Амелію отъ сего сна, которой подавлялъ ея аки лишенную жизни; онъ съ мыслями моими былъ согласенъ, что я больше имѣть буду причины похваляться моею побѣдою, когда увижу неудачу моихъ соперниковъ. Наше благополучіе, говорилъ онъ, возрастаетъ и умножается по мѣрѣ безпокойствія другихъ. Таковыя ужаснѣйшія чувствованія изъявляли мнѣ ясно свирѣпость его нрава! Римбергъ не сомнѣвался, чтобъ сердце, въ которомъ я обиталъ, при мнѣ не могло остатися; чего ради онъ вымыслилъ хитрость, которыя дѣйствіе возбудило во мнѣ любопытство, и долженствовало доказать мнѣ, сколько я былъ любимъ: онъ предложилъ мнѣ, чтобъ напоить молодую дѣвицу малымъ количествомъ опіума, дабы усыпить ее на нѣсколько часовъ, и между тѣмъ перенести ея въ такое мѣсто, гдѣ бы находилось довольное число людей, какъ то напримѣръ въ

театръ

театръ или на гульбище. Я первый наблюдать стану ту минуту, въ которую она приходить будетъ въ чувства, и стану утѣшаться ея изумленіемъ. Я принялъ сей способъ съ восхищеніемъ: но прежде, нежели произвелъ оный въ дѣйствіе, разговаривалъ я съ Амеліею, представилъ глазамъ ея тотъ образъ, который толь упорно и долговремянно скрывалъ отъ ея зрѣнія: Естьли бы земля, говорилъ я ей, была обширнѣе нежели сіе пространство, и была бы населена большимъ числомъ тварей подобныхъ мнѣ, то любилабъ ли ты ихъ такъ, какъ ты любишъ Либмана, и не предпочла ли бы ты ково мнѣ? Я не понимаю, отвѣтствовала Амелія, для чего бы наши разговоры всегда клонились къ сему предмѣту: тебѣ ли, другъ мой, сомнѣваться въ моемъ сердцѣ? Я уже тебя увѣряла, что хотя бы тысяща была земель таковыхъ, какъ нами обитаемая, и число людей превосходило бы великія стаи птицъ, летающихъ по воздуху и мошекъ играющихъ надъ водами, то я бы всѣхъ ихъ тебѣ принесла въ жертву. О! всѣхъ, съ превеликою охотою. — Ахъ! дражайшая Амелія, что я слышу, подлинно ли ето? Изрядно? мы сію нѣжность испытаемъ. Амелія требовала отъ меня

объ-

объясненія; но я умолчалъ объ умыслѣ, а только довольствовался тѣмъ, что бросился къ ея ногамъ, и цѣловалъ ея руки :.... Божественная моя обладательница, я у ногъ твоихъ пріемлю твои увѣренія; ты клялась мнѣ не имѣть ни къ кому привязанности, и никого не любить опричь Либмана, которой тебя едину обожаетъ. Вѣдай себѣ, что за всякое движеніе твоего сердца, я готовъ стократкую смерть вкусить; между тѣмъ я смотрѣлъ на Амелію, имѣя глаза исполненныя слезъ, а потомъ вскричалъ, нѣтъ, нѣтъ я не буду подверженъ сему жестокому искушенію; развѣ сего благополучія моего для меня не довольно? Амелія не знала, отъ чего произошло таковое смятеніе чувствъ моихъ, я украсилъ ее цвѣтами, присовокупя наилучшія убранства къ природнымъ ея прелестямъ, наконецъ подмѣшалъ опіумъ въ приготовленный ей напитокъ, отъ чего она заснула, и Римбергъ и я тотъ часъ перенесли ее въ карету.

Я прослышалъ, что въ городѣ, которой былъ не подалеку отъ моего замка, дана будетъ опера; Римбергъ имѣлъ обо всемъ томъ попеченіе; онъ нанялъ для насъ особливую ложу, кои были построены во вкусѣ Италіянскомъ, на подобіе по-

коя, гдѣ, ежели не хочетъ кто казаться публикѣ, то можетъ разговаривать, забавляться и играть съ своею кампанїею, не будучи видимъ ни кѣмъ; Амелїя старанїемъ нашимъ туда была внесена. Намъ хотѣлось положить ее такъ, что естьли она проснется, то чтобы зала и собранїе первыя глазамъ ея представились. На меня находили иногда такїя минуты, въ кои я разкаивался въ моемъ поступкѣ, и покушался неоднократно отвести Амелїю прежде нежели она проснется; но Римбергъ отъ того меня удерживалъ, и порицалъ во мнѣ трусливость и малодушие. Наконецъ Амелїя проснулась, произвела ужасной крикъ при видѣ сего множества людей и тотъ часъ пала въ мои объятїя: я поддерживалъ ея, она скоро пришла отъ сего волненїя въ чувство: однакоже удивленїе ея продолжалось, а особливо, когда она увидѣла Римберга, которой старался ее успокоить; потомъ вскричала: что я вижу? Либманъ, такъ сто неправда, что ты былъ одинъ? — Такъ моя божественная Амелїя, неправда, но ты прости мою вину, что я держалъ тебя въ толь долговремянномъ заблужденїи; чрезмѣрность моихъ чувствованїй принудили меня вымыслить сїю ложь;

такъ,

такъ, земля въ тысящу кратъ пространнѣе, нежели я тебѣ сказывалъ, и она покрыта нещетными родами, кои имѣютъ образъ мой и черты подобныя мнѣ: но нѣтъ ни одново, Амелія, которой бы имѣлъ сердце Либмана, и которой бы былъ въ состояніи любить тебя толь страстно, какъ онъ тебя любитъ. —— А ето что за человѣкъ? (указывая на Римберга) —— Онъ другъ мой, то есть тотъ, котораго я послѣ моей Амеліи люблю наибольше всѣхъ: онъ пріятенъ почти такъ же какъ и ты, она мнѣ отвѣтствовала; однакожъ при всемъ томъ онъ не Либманъ, сказала сжимая мои руки.

Вы можете представить себѣ, государь мой странное ея тогдашнее положеніе, и источникъ новыхъ впечатлѣній, кои изъ онаго воспослѣдовали. Тогда я обьявилъ молодой сей особѣ разныя причины, кои понуждали меня употребить сію хитрость; я показалъ ей мое сердце, его чрезмѣрную чувствительность, нѣжность и горячность, или лучше сказать пылкость любви, которая преклонна къ ревнивости и неистовству. Амелія, ты видишъ до какой я степени тебя обожаю, внутренность души моей тебѣ открыта; ты знаешъ, что тебѣ я преданъ и отъ тебя зависитъ

висить моя судбина; естьли ты умалишь хотя единое изъ твоихъ чувствованїй, изъ твоихъ взоровъ, то тѣмъ причинишь мнѣ мученїе лютѣйшее самой смерти. Твой разумъ совершенно просвѣтится, и ты будешь знать, чѣмъ ты обязанъ Богу, которой насъ сотворилъ: новый путь предлежитъ теперь подъ твоими стопами; ты узнаешь должности, добродѣтели, что надлежитъ тебѣ открывать, и что таить. Свѣтское обращенїе просвѣтитъ тебя, или можетъ быть истребитъ въ тебѣ искренность: но я, Амелїя, я умоляю тебя и страшусь, чтобъ сїя перемѣна не принудила тебя забыть Либмана; ты еще слабое понятїе имѣешъ о прелестяхъ любви и ея утѣхахъ, ты увидишъ союзъ вѣры и закона тѣсно между собою соединенныхъ. . . . . Амелїя, они должны составлять наше благополучїе.

Я приставилъ къ ней разныхъ учителей. Не проходило ни единаго дня, чтобъ ученица не оказала знатныхъ успѣховъ. Новость прїобрѣтеннаго знанїя толь несроднаго первобытному ея состоянїю, приводило ее въ изумленїе, равно какъ и меня самаго. Одна изъ моихъ родственницъ прїѣхала къ намъ, и потомъ жить у насъ осталась; она удивительнымъ обра-

образомъ подружилась съ сею молодою особою; всегда бывала съ нею при ученіи, и въ забавахъ ея одну не покидала; иногда же важивала ее и въ собранія. Я непрестанно изъявлялъ мою признательность сей благотворительной родственницѣ; ее называли Баронша Денофъ. По смерти своего супруга, съ которымъ она жила только два года, осталася она весьма въ выгодномъ состояніи; за нее сватались многіе, сколько для ея красоты, столько для ея богатства; но она изъ дружбы, которую къ намъ имѣла, удалялась всякаго союза, и желала только съ нами соединиться.

Римбергъ посѣщалъ насъ весьма часто. Онъ многократно при мнѣ разговаривалъ съ Амеліею, подавалъ ей разные совѣты и наставленія, служащія къ ея поведенію, чѣмъ усугубилъ мою къ нему привязанность. Довольно ли я щастливъ? вопрошалъ я въ себѣ непрестанно. Кто бы изъ смертныхъ не позавидовалъ моей участи? имѣть обожаемую любовницу, вѣрнѣйшаго друга, доброхотствующую сродницу, которая намъ жертвуетъ, такъ сказать, своимъ состояніемъ и благополучіемъ; вотъ какова моя судьба! Ахъ! Либманъ

манъ . . . а Гименъ учинитъ тебя и того благополучнѣе ?

Съ нѣкотораго времяни примѣтилъ я, что Амелія стала задумчива; она устремивши на меня глаза часто противу своего желанія, вздыхала; а иногда мнѣ говаривала, но съ большею уже осторожностію, въ чемъ я винилъ ея новое воспитаніе: Либманъ, ты спрашивалъ меня, что люблю ли я тебя, и буду ли любить вѣчно; теперь тебя мнѣ должно о томъ спрашивать. Я отвѣтствовалъ ей страстными выраженіями, клятвами и слезами; на что она мнѣ отвѣтствовала только: Либманъ, мнѣ должно тебѣ вѣрить; я нѣкоторымъ образомъ произведена тобою, що безчеловѣчно съ твоей стороны будетъ, естьли ты меня обманешъ.

Мнѣ казалось, какъ я вамъ сказывалъ, что она заимствуетъ отъ свѣтскихъ обращеній сію холодность, которая остудила наши разговоры, и что я принималъ за строгую воздержность, и съ лишномъ противную горячности нашихъ чувствованій. Сія задумчивость отъ часу умножалась. Амелія и жаловаться уже перестала: но тучи слезъ непрестанно въ глазахъ ея сгущались. Наконецъ предалась она молчанію. Я приписывалъ причину сей неожиданной перемѣны,

отсроч-

отсрочкѣ нашего брака, къ чему встрѣчались намъ на каждую минуту препятствія, коихъ ни какъ нельзя было предвидѣть, а наипаче родственники мои предполагали мнѣ безчисленныя затрудненія; Римбергъ, чтобъ оныя отвратить, принялъ попеченіе на себя; но они еще больше возродились. Моя сродница искала всячески меня утѣшить, и усугубляла свои къ намъ ласки. Наконецъ, Государь мой, здѣсь то отверзлась бездна предо мною, которая поглотитъ меня на вѣки; въ то самое время, когда я зрѣлъ приближающійся нашъ союзъ, что я буду въ обьятіяхъ Амеліи, и что буду заключать въ нѣдрахъ моихъ все то, что я обожалъ; въ ту минуту, въ которую не могъ я вмѣщать изображенія ожидающаго меня благополучія, Амелію, Государь мой.... Амелію.... у меня похитили....Она скрылась отъ меня! я лишился ее! Какое ужаснѣйшее состояніе! вы того представить себѣ не можете. Оно вамъ непонятно. Мнѣ потерять Амелію! Нѣтъ, для меня много лишиться ее и на одну минуту! однако день проходитъ, вечеръ настаетъ, и я Амеліи не вижу! Римбергъ сей ужасной бездѣльникъ ко мнѣ явился. — Другъ мой я умираю, я издыхаю отъ тмочисленныхъ мученій;

нїй; все, что я ни любилъ на свѣтѣ, у меня похитили! гдѣ Амелїя? гдѣ она? гдѣ она? злодѣй мой показывалъ притворное удивленїе, и обѣщался вмѣстѣ со мною отъискивать ее.

Родственники Амелїины соучаствовали въ моихъ горестяхъ, отецъ и мать такъ же, какъ и я оплакивали дочь свою; госпожа Денофъ старалась со всемъ усилїемъ усладить мою горесть, которая ни какихъ утѣшенїй не принимала; и Римбергъ, Римбергъ старался отирать мои слезы. Наконецъ я впалъ въ сильную гипохондрїю, изъ которой одно токмо имя Амелїи меня извлекало; и сїе только одно слово я могъ тогда произносить. Но я не прежде ощутилъ всю тяжесть моей скорби, какъ тогда, когда Римбергъ пришедши объявилъ мнѣ, что онъ повинуясь родителямъ своимъ, принужденъ оставить Нѣмецкую землю, что поручены ему важныя дѣла, для которыхъ онъ долженъ ѣхать въ чужїе краи, и не прежде оттуда возвратиться, какъ по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ. Вотъ, вскричалъ я, должно мнѣ испытать еще новую потерю! Сего было не довольно, что любовь терзала мое сердце, и наносила мнѣ смертельныя раны: мнѣ надлежало скорбѣть еще

еще о лишенїи дружескаго вспоможенїя! я всего теперь лишился! такъ, всего! но Римбергъ одними лишъ отвѣчалъ мнѣ притворными слезами, кои соединялъ съ моими, и по семъ уѣхалъ.

Не оставалось мнѣ инова утѣшенїя, какъ итти съ моею родственницею и заключиться въ моемъ замкѣ; тамъ я безъ помѣхи оплакивалъ мою Амелїю. Она мнѣ казалась повсюду, и подъ тѣнїю древесъ, и на берегахъ источниковъ, гдѣ мы иногда съ нею сиживали; непрестанно я обращался къ тѣмъ цвѣтамъ, которые она предъ прочими любила; мнѣ казалось, что я узнавалъ ея слѣды, цѣловалъ ихъ и орошалъ слезами. На послѣдокъ я построилъ галлерею, и наполнилъ оную картинами, кои представляли Амелїю въ разномъ ея одѣянїи, и въ различномъ положенїи. Здѣсь она срывала розы, и сплетала изъ нихъ гирлянды и вѣнки; тамъ покоилась подъ тѣнїю древесъ, защищавшихъ ее отъ солнечныхъ лучей; въ иномъ мѣстѣ она меня слушала, когда я изъяснялъ ей мою нѣжность. Но всѣхъ сихъ изображенїй было не довольно, чтобъ представить предмѣтъ моей любви; она въ разныхъ видахъ мнѣ являлась, и я во всемъ ее обожалъ. Какая ето любовь, говаривалъ я непре-

станно Бароньшѣ и какой пламень, которой меня снѣдаетъ? онъ не угасаетъ во мнѣ, но отъ часу болѣе распространяется. Ахъ! любезная родственница! Амелія Амелія можетъ быть неблагодарна и вѣроломна! вѣроломна, и я хочу въ томъ сомнѣваться! Какъ? я не довѣряю всему тому, что меня убѣждаетъ! А! жестокая! какъ бы могъ я ее лишиться, естьлибъ она меня любила? Но что я говорю? я обманутъ ею! другой умѣлъ сыскать дорогу къ ея сердцу. Нещастный! вотъ къ чему меня привело ненасытное мое желаніе! Не должноли было мнѣ довольствоваться щастіемъ неизвѣстнымъ? Какая была мнѣ нужда разпространять его? Для чего я не берегъ, и допустилъ Амелію впасти въ разставленныя сѣти? Я хотѣлъ просвѣтить ее знаніемъ; просвѣтилъ, и сердце ея развратилось, ея добродѣтели миновались съ ея, простотою; любовь ея ко мнѣ изчезла подобно какъ сонъ, которой составлялъ блаженство моей жизни. Суетность моя была причиною моей потери! Я возбуждалъ ревность, желалъ имѣть соперниковъ, и ихъ теперь нашелъ!

При таковомъ представленіи повергся я на землю, наполнялъ воздухъ моими рыданіями, и подобился неистов-

ствовствующему, которой изнемогалъ: по-отъ чрезмѣрной своей ярости; потомъ паки воставалъ —— Нѣтъ, не возможно, чтобъ Амелія любить меня перестала. Прости обладательница души моей, прости моимъ подозрѣніямъ и всему злорѣчію, коего ты не заслужила; можетъ быть употреблено насильство, или какой нибудь зловредный духъ враждующій моему благополучію воздвигъ противу меня зависть; одна любовь необузданная употребляетъ обманъ и сіи адскія способы; такъ, ето адъ разверзъ челюсти свои, чтобъ изрыгнуть противу Либмана всю свою ядовитость! Мой единственной другъ (обратился я къ Бароньшѣ) какъ ты можешъ имѣть столко терпѣнія чтобъ остаться при нещастномъ.... Я вижу, что небеса противу меня востали, и весь гнѣвъ свой на меня обратили. Пусть они меня сразятъ, пусть изтребятъ меня своими ударами, и унитожатъ сіе сердце..... Но Ахъ! любовь ему болшія мученія причиняетъ.

Иногда я покушался пронзить грудь мою шпагою, но Бароньша удерживала мою руку, представляя мнѣ природу, благочестіе оскорбленное самоубивствомъ и тѣмъ оружіе изъ рукъ моихъ изторгала. Возвратите мнѣ, говорилъ я ей плача и рыдая,

 воз-

возвратите мнѣ мою Амелію; вы хотите, что бы я остался живъ! не для того ли, чтобъ мнѣ влачить жизнь въ безконечныхъ мученіяхъ? Ахъ! пускай угаснетъ, пускай разрушится сіе сердце, для котораго бытіе есть не что иное, какъ собраніе золъ; оно до послѣдняго издыханія будетъ страдать, любить и пылать къ Амеліи.

Таковото было ужасно мое состояніе. Наконецъ склонился я, по неотступной прозбѣ госпожи Денофъ, къ чему меня и собственное мое желаніе влекло, чтобъ пуститься въ путешествіе, въ томъ чаяніи, какъ будто бы съ перемѣною мѣста, можно было перемѣнить мое и сердце, и укрыться отъ снѣдающей меня любви, которой я былъ всегдашняя добыча. О! я несмысленный! препагубная чувствительность! не зналъ ли я, что отъ тебя не возможно убѣжать? Я объѣздилъ наипрекраснѣйшія мѣста въ Италіи; сіе пышное позорище древней великости Римлянъ, занимая зрѣніе мое, не зделало никакихъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣній. Амелія превосходила все, что я ни видѣлъ. Я видѣлъ ее въ сей удивительной живописи, въ статуяхъ наилучшихъ мастеровъ, и во всѣхъ сихъ чудесностяхъ, коими

Римъ

Римъ изобилуетъ ; сей божественный образъ преслѣдовалъ за мною до сихъ развалинъ , кои возбуждаютъ насъ , и кажется издаютъ гласъ вопіющій къ намъ , что все преходитъ и все измѣняется, что люди умираютъ купно съ ихъ страстями , что земля есть не что иное , какъ пространнѣйшая гробница поглощающая насъ , гдѣ мы одинъ послѣ другова обращаемся въ ничто. Сіи Римляне , размышлялъ я въ себѣ , сіи властители свѣта , безъ сомнѣнія бывали изъ нихъ и такія, кои любили, кои стенали равно какъ и я , а теперь ихъ и праху не обрѣтается! Я остановился во Франціи , гдѣ всѣ пріятности обращенія соединены. Но вы мнѣ простите сіе чистосердечное признаніе, что я мало нашелъ тамъ постоянныхъ нравовъ. А всего меньше знаютъ тамъ любовь! О! разсуждалъ я въ себѣ , здѣсь не такъ видно любятъ, какъ я люблю Амелію ! и я стерегся какъ возможно , чтобъ мнѣ не открыть моей раны ; между тѣмъ нападали непрестанно на мой унылой и задумчивой нравъ : ваши соотечественники и не думали о томъ , что печаль сокрушаетъ мое сердце. По чему Англія показалась мнѣ жилищемъ сроднѣйшимъ моему состоянію ; гдѣ страсть моя размы-

шляла не съ толикимъ послабленіемъ, нежели въ блестящей суетности пріятныхъ вашихъ компаній. Аглицкіе сады питали во мнѣ сію унылость духа, которая для меня была столь любезна; женщины сей земли, наипаче изъ провинціи лежащей къ Норду, походили болѣе на мою Амелію, нежели ваши одаренные прелестьми Фрацужанки. Но все, что ни привлекало мое зрѣніе, и все, что ни удручало мое любопытство, не замѣняло предмѣта господствующаго моею душею, Германія была отечество Амеліи: тамъ то я видѣлъ раждающуюся обладательницу моего сердца, тамъ первый огнь во мнѣ возжегся; и такъ не произвольныя движенія влекли меня въ сію землю. По мѣрѣ моего приближенія къ симъ мѣстамъ, гдѣ сія прелестная особа въ первый разъ узрѣла свѣтъ, иго скорби отягощающее мое сердце, не столь становилось тягостно, сіе сердце снѣдаемое скукой, озарилось слабыми лучами надежды: —— по малой мѣрѣ я буду въ томъ мѣстѣ, гдѣ сія божественная женщина пребывала, и гдѣ я обожалъ ее; я могу ископать себѣ гробницу въ какомъ нибудь углу земли, гдѣ будутъ стопы ея изображаться.

Про-

Проѣхавши мѣстечко *** остановился я у небогатаго трактира, я убѣгалъ всего того, что походило на многолюдство. Трактирщикъ имѣлъ видъ печальной, и тѣмъ меня тронулъ; ибо все то, что изъявляетъ горесть, имѣетъ право на мою чувствительность: я спросилъ его о причинѣ его печали — Ахъ! государь мой, отвѣтствовалъ онъ, въ нашемъ домѣ есть молодая госпожа, которая въ минуту можетъ быть скончается; она мнѣ вручила писмо, которое долженъ я отдать по его надписѣ. Молодая госпожа, вскричалъ я! и какимъ ето образомъ! . . . Ее черты . . . . — О! ета красота . . . . коей я еще не видалъ подобной; надобно, чтобъ сїя госпожа была изъ знатнаго рода, и кажется, что она претерпѣла великїя напасти; она здѣсь уже три дни, и все сїе время въ слезахъ и вздохахъ проводила, при томъ не принимаетъ ни какой пищи. При ней есть женщина, которая, кажется, имѣетъ къ ней великую привязанность; она запретила, чтобъ ни ково не пущать къ ней въ комнату, хочетъ, говоритъ она, умереть удалившись отъ всякаго сообщества. — Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не можно етому статься, чтобъ я ее не видѣлъ? —

. . . Ну а естьлибъ вы, государь мой, что нибудь мнѣ подобное приказали, вы бы, я думаю, крайне были мною не довольны, естьли бы я не исправилъ моей должности. — Она кончается, сокрушаема будучи печалїю? Ахъ! естьли бы я могъ ей подать помощь, и жизнь ей возвратить! — Да вы, государь мой, развѣ лѣкарь? — Нѣтъ, но я имѣю сердце чувствительнѣйшее и способнѣйшее къ состраданїю, къ утѣшенїю и къ вспоможенїю нещастнымъ; можетъ быть я бы удержалъ дыханїе въ семъ жалостномъ творенїи.

Между тѣмъ я блеснулъ трактирщику золотомъ; онъ началъ колебаться и не зналъ, что дѣлать, наконецъ я его убѣдилъ, и ничего отъ него не требовалъ, какъ только посмотрѣть на умирающую: онъ склонился на мою прозбу съ тѣмъ только, чтобъ я ни какова не произвелъ шуму: я на все согласился, вошолъ съ нимъ въ верьхъ, и при каждомъ шагѣ чувствовалъ въ себѣ необыкновенный трепетъ. Онъ мнѣ отворилъ потаенную дверь, которая была за кроватью, и напоминалъ мнѣ безпрестанно, чтобъ я употребилъ всю осторожность, дабы никакъ не казаться: я съ своей стороны

ны увѣрялъ его, что онъ будетъ мною доволенъ, и что все имъ предписанное исправно будетъ мною исполнено. По семъ отдернулъ я трепещущею рукою завѣсъ, женщина нѣкоторыхъ лѣтъ держала зажженную свѣчу, и устремила свое зрѣнiе на одну молодую особу къ концу своему приближающуюся; я алчными, такъ сказать, глазами смотрѣлъ на сей состраданiя достойный предмѣтъ: узналъ . . . . Повергся на сiю издыхающую женщину, сжималъ ее моими руками и кричалъ: Амелiя! Амелiя!

Въ семъ мѣстѣ графъ опустя руки остановился, какъ бы онъ еще былъ пораженъ симъ ужаснымъ состоянiемъ; казалось, что она была передъ ево глазами, по томъ печальнымъ голосомъ продолжалъ: ето въ самомъ дѣлѣ была Амелiя; смертельная блѣдность лице ее покрывала, и глаза ее были закрыты. Я поднялъ преужасный крикъ такъ, что она какъ будто пробудившись отъ сна, глаза свои открыла. Либманъ, вскричала она такъ же, и тотъ часъ упала ко мнѣ на руки. Женщина, которая при ней находилась, смотря на меня съ удивленiемъ, сказала, такъ ето вы графъ отъемлете жизнь у моей бѣдной госпожи! —— Что

 такое?

такое? и что вы говорите? —— Вы узнаете все, государь мой . . . Тутъ Амелія прервала тяжкими своими вздохами, и обратившии почти угасшее свое зрѣніе на меня: ето ты Либманъ, ты котораго я любила, и люблю еще оставляя сію злополучнѣйшую жизнь! теперь я довольна, я тебя увидѣла и тебя прощаю; по малой мѣрѣ не оставь меня; хотя изъ жалости . . . . Дождись моей кончины.

Трактирщикъ и его семья на крикъ мой збѣжались; я не слыхалъ ничего, что Амелія мнѣ говорила, или сказать лутче, что я не понималъ причины ее жалобы. Вся душа моя стремилась ее видѣть и наполниться симъ ужаснымъ зрѣлищемъ приближающейся ее кончины. Въ семъ будучи смятеніи, мѣшался я; приказывалъ трактирщику, и опять отмѣнялъ; посылалъ за лѣкарями, и возвращалъ служителей, обращался непрестанно къ постелѣ, чтобъ видѣть Амелію и обливать ее слезами. Мнѣ хотѣлось извлечь ее изъ сей угрожающей ее участи, узнать причины ее укоризны, обременить ее моими, или сказать лучше, изобразить ей всю чрезмѣрность моей любви; изступленіе, въ которое погружала меня радость ее сыскавши, отчаяніе, которое потомъ заступало мѣсто моего веселія;

сіи

сїи разныя восхищенїя вдругъ востали въ моемъ сердцѣ. Амелїя будучи въ безсилїи сжимала мои руки, и нѣкоторыя слова прерывающимся голосомъ произносила. Подай мнѣ, говорилъ я, трактирщику подай сїе писмо... Оно надписано... Ты долженъ видѣть... Я называюсь Либманъ... Либманъ, примолвилъ онъ? Такъ, такъ ето вамъ, и тотчасъ побѣжалъ онъ за писмомъ, и дѣйствительно оно было надписано на мое имя; кому надлежало оное нести, тому приказано было вручить его моимъ родственникамъ, и гдѣ бы я ни былъ, переслать его ко мнѣ. Вотъ его содержанїе, вы можете прочесть сами, ибо оно всегда со мною. Графъ подалъ мнѣ писмо, которое было слѣдующаго содержанїя:

Я не знаю мѣста твоего пристанища: но гдѣ бы ты ни былъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобъ миръ и тишина послѣдовали за тобою: клятвопреступники не могутъ быть ни благополучны, ни спокойны. Вспомни, что мои первые взоры къ тебѣ обращались, чувствованїя мои стремились къ тебѣ, я не инако и сердце въ себѣ ощущала, какъ по той безпримѣрной любви, которую къ тебѣ имѣла, и которую ты толь худо наградилъ! Ахъ! свирѣпой! Либманъ!

манъ! почто ты не оставилъ меня въ моемъ невѣжествѣ! Думала ли я, что ты здѣлаешься извергомъ, злодѣемъ, оскорбишъ чистѣйшую любовь, и жизнь отнимешъ у той, которая для тебя ее сохраняла, для одного тебя неблагодарный? Есть ли твой умыселъ состоялъ въ томъ, чтобъ у меня похитить твое сердце, то для чего же ты не пришолъ пронзить моего собственнаго? Сïе было бы отрадою нещастнѣйшей Амелïи, чтобъ умереть твоею жертвою. Веселись моею горестïю; я было желала отомстить тебѣ, чтобъ забыть тебя и полюбить другова: но я не могла иного исполнить, какъ только умереть, и еще пожертвовать тебѣ послѣднимъ моимъ издыханïемъ. Единой у тебя испрашиваю милости, не любви и нѣжности твоей, но твоего сожалѣнïя и чувствованïй человѣчества, кои ты долженъ оказать и не столь принадлежащей тебѣ твари: не попусти, чтобъ мой печальный прахъ остался погребеннымъ въ семъ жилищѣ; дозволь перенести мой трупъ въ то мѣсто . . . . въ коемъ, увы: родилась я наслаждаться несравненно лучшего участью. Какое воспоминанïе тревожитъ меня приближающуюся ко гробу! Я тебѣ препоручаю моихъ нещастнѣй-

щастнѣйшихъ родителей; безчеловѣчїе твое, думаю до нихъ не коснется; а естьли иногда будутъ они говорить съ тобою о нещастной своей дочери, удостой ихъ благосклоннаго вниманїя. Лисманъ! Лисманъ! надлежало ли знать мнѣ свѣтъ и его преступленїя: сколь невѣжество мое было для меня любезно, и сколь должна я сожалѣть объ немъ! Прости; твоя новая побѣда не уже ли поровнуетъ оказываемой тобою жалости, о которой я умоляю? Ищи себѣ по всей пространнѣйшей подсолнечной, которая изобилуетъ родомъ моего пола: не сыщешъ другой Амелїи, нѣтъ, не сыщешъ; ты потерялъ сердце, которое лутче всякаго любить умѣло . . . и . . . жестокой Лисманъ, оно никогда опричь тебя ни чего не любило.

Графъ принявши отъ меня писмо, продолжалъ свое повѣствованїе: представте себѣ, какою нелѣпостїю меня обременяли; сїе писмо исполненное тайности, не могъ я ни какъ проникнуть: хотѣлъ было прибѣгнуть къ служанкѣ, которая прислуживала Амелїи, но между тѣмъ пришолъ лѣкарь, и Амелїя кончалась: я кинулся къ ней, увѣрялъ ее о моей любви: но она была уже безмолвна, и мнѣ сказали, что надлежало необходимо оставить сїе позорище.

 Какъ!

— Какъ ! въ тотъ самый часъ, въ которой мнѣ случай возвратилъ Амелію, судба опять ее у меня похищаетъ, она понесетъ во гробъ печальную мысль что я ей измѣнилъ, изрядно, пускай же и меня погребутъ съ нею ; по малой мѣрѣ насъ смерть соединитъ.

Между тѣмъ лѣкарь подошедши ко мнѣ, заклиналъ меня, чтобъ я вышелъ изъ комнаты : — не должно, говорилъ онъ, отъ васъ скрывать, сія госпожа умретъ непремѣнно, и такъ вы не тревожте ее при послѣдней минутѣ ; въ ней едва токмо осталося дыханіе — такъ не льзя ей возвратить жизни ! Ахъ ! Государь мой возмите отъ меня и щастіе и дни мои, лишъ бы она была жива ! хотя бы столько жизнь ея продлилась, чтобъ она выслушала мои оправданія ! Прошу васъ и умоляю именемъ всего, что есть наисвященнѣйшаго, не оставте ее ! можетъ быть небеса . . . . О! естьлибъ они склонились на плачь мой и вопль ! Благосклонный лѣкарь сѣлъ подлѣ Амеліи, говоря, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ меня утѣшить, и хотѣлъ бы, примолвилъ онъ, чтобъ его старанія были не напрасны ; но сіе излѣченіе свыше на-

шего

шего искуства; однако вы принудте себя, и не дѣлайте ни какова шуму.

Я былъ аки бы подавляемый тяжестїю оковъ; не смѣлъ даже переводить дыханїя, иногда я выходилъ изъ сей глубочайшей бездны горести, и обращалъ глаза мои на сїю пагубную постелю, гдѣ казалось смерть уже готовилась исторгнуть изъ рукъ моихъ Амелїю, я блѣднѣлъ ежеминутно, и испытывалъ всѣ премѣны лица ея покрываемаго мрачностїю лютыя смерти, хотѣлъ было кричать, и оставлялъ ротъ мой отверстымъ. Съ умирающей глаза мои преходили на лѣкаря: желалъ узнать изъ его взглядовъ, что оставался ли хотя слабый лучь надежды: онъ непрестанно щупалъ пульсъ. Вдругъ движенїе показывающее удивленїе въ немъ появилось: онъ давалъ мнѣ знать, что Амелїя не столь была опасна, и махалъ мнѣ рукою, чтобъ я не прерывалъ молчанїя. Я подбѣжавши повергся къ ногамъ моего благотворителя; обнималъ ихъ и обливалъ моими слезами; положивши ему въ руки кошелекъ наполненный золотомъ, увѣрялъ его знаками, что онъ будетъ разполагать всѣмъ моимъ имѣнїемъ, просилъ притомъ и понуждалъ его продолжать свои старанїя; наконецъ, государь мой, жизнь моя и моей Амелїи стала

не-

несомнѣнна: увы! небо отвратилъ свою десницу для того только, чтобъ меня болѣе сразить; мнѣ не дозволено еще было произносить ни единаго слова и показываться къ больной въ опасенїи, чтобъ видъ мой не произвелъ какого опаснаго движенїя. Я отвелъ въ сторону женщину, которая при ней находилась, утруждалъ ее разными вопросами: узналъ, что ее называли Дорофеею, что она была служанка, и недавно принята была къ Амелїи, и такъ она не могла подать мнѣ ни какова объясненїя; одни лишь обстоятельства были ею примѣчены, а именно нѣкоторый родъ непрестанныхъ жалобъ ея хозяйки, на мою невѣрность, кои во гробъ ее ввергали.

Спустя нѣсколько времени, глаза Амелїи открылись; она могла уже сносить мое присудствїе; видя меня позади своей кровати стоящаго на колѣняхъ, цѣлующаго ея руку и орошающаго слезами. Ея первыя слова были сопровождаемы тяжкими вздохами: —— Какъ! ето ты, Либманъ! ето ты! я тебѣ еще мила! —— Могла ли ты въ томъ сомнѣваться, обладательница моего сердца? могла ли ты не вѣрить, чтобъ моя любовь къ тебѣ отъ часу болѣе не умножалась; но скажи мнѣ? какое

пагу-

пагубное подозрѣніе, толь предосудительное твоему любовнику, разрушило наше благополучіе; я читалъ твое писмо, какая непостижимая скрывается въ немъ тайна, какой ужасъ, котораго я понять не могу; я нетерпѣливо желаю вѣдать, слышать, и обличить тебя моею непремѣнною нѣжностію. А ты, Амелія, какой рокъ тебя похитилъ изъ моихъ рукъ, когда мы готовились къ олтарю приступить? ты, ты которая меня обвиняла, сама сохранила ли ко мнѣ вѣрность? вѣщай, и рассыпь мой страхъ . . . . Амелія, мнѣ надлежитъ злою ревностію терзаться. Того ли я нахожу опять въ тебѣ ангела красоты и невинности, который пребывалъ для меня единаго? Возможно ли? Амелія мнѣ возвращена? обаванія свѣта, его злодѣйства, не оскорбили ли твоихъ добродѣтелей, твоего чистосердечія, сей души толико непорочной, которая была услажденіемъ моей?

Амелія, казалось, слушала меня со вниманіемъ; сіе не трудно было примѣтить, по ея виду, съ каковымъ она старалась соединить разныя мнѣнія толь между собою противныя. Либманъ, отвѣтствовала она, слышавши тебя мнѣ самой кажется должно предъ тобою защищаться,

а

а не тебя обвинять. Такъ ты невиновенъ, ты которой нарушилъ свою клятву, ты неблагодарной, которой полюбилъ другую! Но что я сказала? ты говоришъ такъ, какъ бы мнѣ надлежало оправдаться! — Я полюбилъ другую! ахъ! выведи, выведи меня изъ лабиринта, въ которомъ я теряюсь!

Едва больная успѣла произнести нѣсколько словъ, то лѣкарь здѣлалъ ей запрещенiе; онъ обьявилъ мнѣ, что естьли я буду отъ нее взыскивать продолжительныхъ разговоровъ, то конечно ввергну ее въ то нещастнѣйшее состоянiе, изъ котораго старанiемъ ево она выведена. И такъ, мнѣ надлежало дожидаться, пока опасныя тучи будутъ прогнаны, и ея здоровье совершенно утвердится. Подумайте, сколько я мучился во все сiе время, которое нетерпѣливости моей казалось продолжительнѣе цѣлаго вѣка; уста мои умолкли: но мое воображенiе, мои взоры и вся моя душа непрестанно стремилась къ Амелiи, при ней она пребывала, вопрошала ее, и съ нею говорила о ея подозрѣнiяхъ, о ея любви и безпокойствѣ. Амелiя наконецъ достигла до сего желаннаго часа, велѣла мнѣ приближиться къ

своей

своей постелѣ, и увѣдомила меня о причинахъ, кои насъ разлучили.

Увы! сїе толь пагубное сердцу моему повѣствованїе пребудетъ на вѣки впечатлѣннымъ въ памяти моей! оно станетъ наполнять мою душу до послѣдняго издыханїя.

Ты помнишъ, говорила мнѣ Амелїя, что я многократно претерпѣвала отъ тебя укоризны, когда примѣчалъ ты грусть и тоску меня сокрушающую, которой не могла я скрыть, какъ ни старалась; вкусившая до того сладостнѣйшее удовольствїе тебя любить, и почитать себя любимою, не знала я сей отравы до того часа, какъ сродница ваша предстала моему взору! — О Боже! что я слышу? — прошу тебя, не прерывай моего слова; ты хотѣлъ знать причину моихъ напастей, она тебѣ будетъ открыта. Я примѣтила, казалось, что ты былъ не непристрастенъ къ баронշѣ, да и заподлинно увѣрила себя, что ты раздѣляешь ея чувствованїя, и сїе то ввергло меня въ бездну горести . . . — Амелїя, какъ ты могла подумать, чтобъ моя сродница . . . . . — Удостойте, прошу васъ меня выслушать. Я начала тотъ часъ удаляться сихъ мучительныхъ подозрѣнїй: но они неотступно

но меня мучили, и мнѣ всегда казалось, что вы отъ часу больше воставали противу моего спокойствїя. Находили иногда на меня и такїя минуты, въ которые желала я тебя ненавидѣть, уже мнѣ во ослѣпленїи моемъ мечталось, что я тебя ненавидѣла: тебя ненавидѣть! мнѣ, Либмана! ахъ когда я входила въ мое сердце, то въ немъ видѣла, что ты мнѣ гораздо былъ миляе, нежели когда нибудь, а ты отъ часу виновнѣе становился въ глазахъ Амелїи. Однакожъ я не довѣряла страху меня смущающему, моимъ глазамъ, моей душѣ, на вѣки преданной тебѣ; при томъ я не сомнѣвалась, чтобъ Римбергъ первый по мнѣ не былъ къ тебѣ привязанъ, ему я открыла уязвленное мое сердце; онъ видя мои слезы, началъ во первыхъ увѣрять меня; но по томъ гораздо съ меншимъ жаромъ винилъ мои жалобы, а наконецъ открылся мнѣ, что мое смятенїе кажется ему основательнѣе, нежели при началѣ учиненной ему довѣренности казалось, что онъ самъ уже примѣтилъ и увѣрился. И такъ, напасть моя была несомнѣнна; Римбергъ казалось началъ убѣгать случая со мною изъясняться: я сыскавши время принудила его, и извлекла изъ него признанїе, котораго не

хотѣлъ онъ учинить: наконецъ утвердилъ онъ меня въ жестокой мысли, что я была игралищемъ твоей невѣрности, что ты и госпожа Денофъ имѣете взаимную любовь, что мой бракъ былъ не что иное, какъ химера, которой въ существѣ ни когда не будетъ, что мнѣ надлежало съ жизнїю разстаться, когда твое сердце изъ моихъ рукъ изхищенно; однимъ словомъ, онъ въ грудь мою влїялъ ужаснѣйшую ревность.

Въ семъ мѣстѣ я прервалъ Амелїю: —— Ето Римбергъ, ето мой другъ мнѣ измѣнилъ! и сей злодѣй будучи моимъ убїйцею, плача со мною разставался! онъ раздѣлялъ, продолжала она, со мною ужасность моего состоянїя, показалъ мнѣ и писмо, которое бароньша къ тебѣ писала. —— : Писмо отъ баронши! —— она въ немъ возобновляла увѣренїя любви, отводила тебя отъ заключенїя брака, которой причинитъ ей безвремянную смерть. Припомни, что моя скорбь, мое отчаянїе оказывалось, не смотря на мои усилїя.

Я хотѣлъ было перебить рѣчь Амелїи: но она принуждала меня слушать: —— Римбергъ въ унынїи, въ печали пришолъ пронзить грудь мою

мою кинжаломъ, увѣдомивъ меня, что бракъ нашъ нетолько не совершится, но что ты женишься на Бароньшѣ, и что все уже готово къ вашему соединенїю. Я небуду свидѣтельницею, вскричала я, сего толь пагубнаго для нещастной Амелїи союза! Нѣтъ, ихъ благоденствїе не усугубится моимъ злополучїемъ. Жестокой! онъ перестаалъ меня любить! и онъ женится на госпожѣ Денофъ! Римбергъ тебѣ единому препоручаю я мою судбину: удали меня: извлеки меня изъ сихъ мѣстъ; перенеси хотя въ другой свѣтъ, лишъ бы не было тамъ Либмана; истреби, истреби изъ моей памяти вѣроломнаго; но ахъ! я чувствую, что образъ его послѣдуетъ за мною: по малой мѣрѣ, чтобъ мнѣ его не видѣть, что бъ мнѣ не быть при семъ торжествѣ, и чтобъ я не въ глазахъ ихъ умерла!

Напослѣдокъ Римбергъ предложилъ мнѣ, хочу ли я укрыться въ одномъ изъ сихъ священныхъ убѣжищъ, кое благочестїе отверзаетъ нещастнымъ: я приняла его предложенїе съ радостїю, и съ нетерпѣливостїю желала исполнить; притомъ просила его, чтобъ сїе сохранялось въ неисповѣдимой тайнѣ. Такимъ образомъ я поспѣшала къ свя-

тилищу

тилищу олтаря, и меня увѣряли, что тамъ сыщу я миръ и тишину: я умоляла его: открывала предъ богомъ всю чувствительность пронзеннаго стрѣлами горести моего сердца, и землю орошала моими слезами: но небо не внемля моимъ моленіямъ, карало меня за любовь, которая безъ сомнѣнія его прогнѣвляла. Нѣсколько времени пребывъ въ семъ храмѣ благочестія: Римбергъ прибѣжавши ко мнѣ: —— надлежитъ, говорилъ онъ, удалиться изъ сего мѣста; Либманъ и Бароншa пріѣдутъ сюда сочетаться тайнымъ бракомъ; ваши родители повелѣваютъ вамъ укрыватся мщенія ревности госпожи Денофъ; она не проститъ вамъ, что вы были любимы ея супругомъ, ваши родители оставили мѣстечко * * * а мнѣ поручили васъ отвести въ надежное убѣжище, гдѣ вы ихъ по пріѣздѣ вашемъ сыщете.

Я хотѣлъ въ семъ мѣстѣ прервать мучительный для меня разговоръ: —— Измѣнникъ! чудовище! никогда, нѣтъ, никогда Бароншa не писала ко мнѣ писемъ. Въ сіи самыя жестокія минуты, когда ты была похищена, когда ты отъ меня убѣгала, госпожа Денофъ сама о тебѣ проливала слезы. Дозволь мнѣ, продолжала

должала Амелія, окончить мою повѣсть, которая мнѣ причиняетъ больше еще скорби, нежели тебѣ: была ли я жертвою моего легкомыслія?

Такимъ образомъ я предалась сострадательному попеченію Римберга, онъ меня отвезъ въ предѣлы Графства****; я перенесена была во отдаленныя долины, кои, казалось, отдѣлялись отъ всего свѣта; тамъ я находилась въ ветхомъ замкѣ, окруженная двумя женщинами, кои были опредѣлены для моихъ услугъ. Родители мои были первѣшій предметъ моихъ рѣчей; гдѣ они, я спрашивала, и какая причина ихъ отъ дочери отдалила. Римбергъ мнѣ отвѣтствовалъ, что та минута уже наступаетъ, въ которую я съ ними свижусь; но видъ его былъ смутенъ; по семъ отвелъ онъ меня въ особливой покой, гдѣ просилъ, чтобъ я подлѣ его сѣла; тутъ то онъ сказалъ, что онъ имѣетъ сообщить мнѣ важную тайну. Первое его движеніе было, что онъ упалъ къ моимъ ногамъ: таковое положеніе меня разстроило, и привело въ изумленіе. — что вы хотите, Римбергъ? встанте. — Что я хочу? открыть вамъ все, что колеблетъ мою внутренность. Съ самой той минуты

въ

вЪ которую вы предстали моему взору, любовь непреодолимая меня терзаетЪ; однако я бы могЪ обуздать сію толико владычествующую страсть, естьли бы невѣрность Либмана меня кЪ тому не ободрила. Я его прервала. — КакЪ! такЪ что уже не ложно, что я ЛибманомЪ больше не любима, ето онЪ полюбилЪ другую! Всеконечно правда, примолвилЪ жестокой: я вамЪ все объявилЪ, вы обмануты, оставлены и забыты: можетЪ быть Баронша извергла бы на васЪ ядЪ ревности своей; но вы вЪ семЪ мѣстѣ отЪ нее безопасны; теперь осталось только заплатить мнѣ нѣкоторою благодарностію, вы мнѣ тѣмЪ должны, и одна ваша любовь сіе наградить можетЪ: — РимбергЪ, какимЪ удивленіемЪ вы меня поражаете? кЪ чему сіе клонится? вы требуете, чтобЪ я любила! мнѣ любить! мнѣ испытать еще вѣроломство и неблагодарность . . . . Я уже довольно была жертвою сей пагубной чувствительности, которая низринетЪ меня во гробЪ; такЪ она умертвитЪ меня . . . ЛибманЪ могЪ ли быть не вѣренЪ и непостояненЪ? всѣ мужчины вѣроломны и жестоки! НѣтЪ, я больше не ослѣплюсь. Почто, увы! я не сохранила моего первобытнаго невѣжества!

Я не видала и не знала ни кого опричь Либмана; онъ былъ для меня единой, и у меня его похитили? какъ! и сомнѣваться о томъ уже не можно! напасть моя неизбѣжна! мнѣ предпочитаютъ соперницу! Одно лишь, примолвилъ Римбертъ, вамъ осталось предпринять, истребить изъ вашего сердца образъ, которой можетъ дни ваши напоить ядомъ.

Амелія продолжала: я не хотѣла болѣе слушать Римберга; тяжкіе вздохи духъ во мнѣ занимали; что еще тебѣ сказать? онъ употреблялъ всѣ средства вывести меня изъ отчаянія; и по справедливости сказать, онъ произвелъ во мнѣ нѣкую признательность и дружбу. Скажи лучше любовь, вскричалъ я, будучи внѣ себя отъ гнѣва. Ахъ! жестокая Амелія... Я о тебѣ плакалъ и скорбѣлъ, чаялъ видѣть тебя во гробѣ, наконецъ сыскалъ... Но какъ... Нѣтъ больше для меня Амеліи! я ее лишился, лишился на вѣки и надежду теряю!

Амелія простерла ко мнѣ руку, сказавъ: —— твоя Амелія не перемѣнилась. Я отталкивалъ ее руку, и поднялъ преужасный вопль и крикъ. Какъ, перехватило сіе, любезнѣйшее созданіе, ты не хочешъ меня слушать? —— слушать! Ахъ! что ты можешъ мнѣ еще сказать? свершай

моюю

мою напасть, вонзай въ грудь мою кинжалъ. — Послушай меня хотя для имени человѣчества, естьли не дозволяется болѣе призывать твою нѣжность, которою я довольно уже наказана! Неблагодарной Либманъ, позволь мнѣ продолжать мое повѣствованіе, ты первой послѣ оправдаешъ меня . . . — Оправдать, простить таковое злодѣйство . . . Но! говори, продолжай, разтравляй мои раны; извергъ! онъ возбудилъ въ тебѣ чувства . . . Ты его любила! — Такъ, подлинно, онъ употреблялъ всѣ способы, чтобъ овладѣть моимъ сердцемъ; но сіе сердце было наполнено однимъ тобою; онъ предлагалъ мнѣ свою руку, и блескомъ щастія ослѣпить меня старался; но то былъ не Либманъ, которой сіи дары мнѣ приносилъ! безъ него я бы отвергла владычество цѣлаго свѣта. Для чего я узнала сей презрѣнный и толико опасный свѣтъ? почто я не осталась въ семъ священномъ убѣжищѣ, кое привлекало и ограничивало первое мое зрѣніе? Въ семъ состояла для меня вся земля; подлинно не было другова міра для нѣжности Амеліи.

Римбергъ непрестанно мнѣ говорилъ о своей любви, и о твоей измѣнѣ, и поистиннѣ ты мнѣ казался неблагодарнѣйшимъ и виновнѣйшимъ

человѣкомъ: но я не могла престать тебя любить. Наконецъ утрудился представлять ролю почтительнаго и покорнаго полюбовника, тиранъ мой предался жестокости; онъ надѣялся получить то отъ моей мстительности, чего не получилъ отъ моей горячности; онъ сталъ непрестанно описывать мнѣ Бароншу здѣлавшеюся твоею супругою, а тебя, тебя въ ее объятїяхъ . . . Таковое изображенїе мутило во мнѣ духъ, и сердце мое пронзало. Римбергъ понуждалъ меня соединиться тѣмъ союзомъ, которымъ не льзя уже соединиться съ Либманомъ. Таковымъ поступкомъ, приведена будучи въ ужаснѣйшее отчаянїе, рѣшилась лутче лишиться жизни, нежели носить имя жены Римберговой; и изыскавши удобной случай, убѣжала я изъ сего замка, въ которомъ готовились разполагать мною, какъ нещастнѣйшею невольницею; словомъ, я избѣжала всѣхъ поисковъ; лишенная всѣхъ способовъ и будучи безпомощна, я сохранила все то, чѣмъ долженствовала твоему великодушїю; я шла . . . хотѣла приближиться къ тому мѣсту, въ коемъ я получила жизнь . . . въ коемъ была тобою любима: я ласкалась вкусить по малой мѣрѣ ту отраду, что во

оном жизнь мою скончаю; сїе было единственною цѣлїю моего побѣга. Небеса противу меня возстали: Ахъ! что я говорю? они гнѣвъ свой укротили: я спокойно умру, когда... Либманъ тебя я вижу; и естьли то правда, что ты сохранилъ вѣрность къ твоей Амелїи, что ты ее любилъ, и что Баронша... Я не давъ ей окончить: —— довольно, говорилъ я слушалъ: теперь тебѣ довлѣетъ слушать наинещастнѣйшаго изъ смертныхъ; такъ, такъ преданнаго мученїямъ сердечнымъ, кои сутьналютѣйшїя казни. Госпожа Денофъ никогда ни чѣмъ не бывала, какъ только моимъ другомъ: ты одна жестокая Амелїя была моею любовницею, высочайшею властительницею моихъ чувствованїй, моей судбины, моею обладательницею, и моимъ божествомъ; я прогнѣвилъ для тебя всевышнее существо. Увы! моя родственница отдалена была отъ того, чтобъ быть твоею соперницею: она любила тебя какъ искреннюю сестру; она просила меня поспѣшать нашимъ союзомъ, которой бы составилъ мое благополучїе. Ахъ! могла ли ты подумать, что хотя бы единой вздохъ не относился къ тебѣ? Ты меня любила! Довѣренность не естьли свойство истинной любви?

Для чего ты не излила въ грудь мою сихъ жалобъ, которыхъ я толь мало заслужилъ? Предъ симъ ли вѣроломнымъ другомъ надлежало тебѣ слезы проливать! . . . Нѣтъ, свирѣпая, съ сего часа я пересталъ тебѣ быть любезнымъ, и мнѣ ли должно оправдаться! Нѣтъ, нѣтъ, ето не ложно! Я вижу всю глубину бездны, въ которую я низверженъ, не стало больше для меня Амелїи! я опять тебя увидѣлъ, но въ какомъ видѣ ты предстала моему взору, сему сердцу . . . которое ты терзаешъ; Римбергъ, другъ до какой мнѣ степени измѣнилъ! я самъ ужасаюсь мщенїя, которымъ я противъ его пылаю; дружба, любовь . . . вы скрываете мою напасть, она невозвратна! Амелїя! Амелїя! возможно ли, что бы другой тебѣ понравился? такъ, ты измѣнила твоему любовнику!

Сїя нещастная простирала ко мнѣ руки, и обливаясь слезами поднимала ихъ на небо. —— Ты плачешъ, Амелїя, ты плачетъ? Я вѣрю, я вѣрю . . . что ты не виновна, ето я . . . наидостойнѣйшїй изъ смертныхъ сожалѣнїя!

Такимъ образомъ, государь мой, я въ непремѣнномъ бывъ волненїи то въ тишину, то въ бурю погружался,

жался, по томъ бросившись къ ногамъ Амеліи, и въ семъ положеніи возобновлялъ клятвы моей любви и нѣжности; я ей обѣщался истребить сіи подозрѣнія, кои меня терзали: но образъ отчаянія возобновлялся непрестанно въ моихъ глазахъ; я вскочилъ въ неистовствѣ; предался обуреванію гнусной ревности, и вырвавшись изъ ея рукъ, спѣшилъ къ ея вѣроломному искусителю, чтобъ пронзить ему сердце тмочисленными ударами: взоръ Амеліи меня остановилъ; по томъ я хотѣлъ было наказать самъ себя за излишество, которое во мнѣ разсудокъ осуждалъ: но разсудокъ можетъ ли стоять противъ любви? наконецъ я вскричалъ, нѣтъ, ето не Амелію я обрѣтаю; но любовницу Римберга.

Сіи толь оскорбительныя и толь тягостныя слова для Амеліи и для меня самаго непрестанно въ устахъ моихъ обращались. Тогда она прибѣгла къ слезамъ, и увѣряла, что она ни чѣмъ меня не оскорбила: ея кротость меня тронула; я не былъ еще удостовѣренъ въ ея невинности; но мнѣ хотѣлось, чтобъ она меня убѣдила, и я искалъ всячески, что бы могло способствовать къ сему. Омрачи меня, кричалъ я проливая токи слезъ, обмани меня, чтобъ я принялъ

слѣпо все то, что можетъ говорить въ пользу твою. Испровергни жестокая сїю истинну, которая представляетъ мнѣ тысящу смертей. И тѣмъ окончалъ, что упалъ безчувственъ въ обморокъ.

Многїе мѣсяцы прошли въ семъ ужаснѣйшемъ смятенїи: Амелїя съ нуждою обмогалась, когда же ей случалось меня видѣть не столь смущенна, и показывающаго лучь нѣкотораго спокойствїя: тогда прелести ее оживотворялись, и она неослабно представляла мнѣ все то, чѣмъ могла оправдаться предъ моими глазами. Спокойствїе начало оказываться въ моей душѣ, чрезмѣрность моей любви превозмогла мои подозрѣнїя, мое легкомыслїе обнимало сїе страшное сномечтанїе не съ такимъ уже восторгомъ. Наконецъ раздѣленъ различными страстьми, и больше будучи влюбленъ, нежели когда нибудь, уступилъ я нѣжности моихъ чувствованїй; Амелїя въ готовности была носить имя моей супруги; родители ея жившїе съ нею, и мое собственное сердце понуждало меня заключить сїе толь многократно отлагаемое обязательство; все было готово; мы того только часа и ожидали, которой долженствовалъ насъ соединить дражайшимъ узломъ:

но намъ подобаетъ соединиться во гробѢ! Спустя нѢсколько времени, попалось мнѢ писмо отъ Римберга; кому же было надписано сіе писмо, содржащее въ себѢ всѢхъ родовъ для меня смерти? Той, которая готовилась быть въ моихъ объятіяхъ, которая умѢла отвратить фуріи ревности, естьли ихъ не во все подавила. Я не вѢдаю, какимъ случаемъ сіе писмо дошло до нее: оно содержало въ себѢ жалобы о ея побѢгѢ, потомъ новыя примѢшаны клятвы любви, кою время усугубило. ВѢроломной называлъ то время епохою, въ которое ласкается видѢть ее возвращеніе . . . Возвращеніе! я больше того уже и не читалъ; возвращеніе! объятъ будучи неистовствомъ, поспѢшалъ я къ Амеліи, укорялъ ее предосудительнымъ образомъ, и до того даже простеръ мою свирѢпость, что поднялъ шпагу, повѢрите ли вы тому? противу сей невинной жертвы моей запальчивости. Она повергнувшись къ моимъ ногамъ, не изыскивая средствъ отвратить удара: — Жестокой, Либманъ, рази, пронзай то сердце, которое всегда было наполнено тобою, кончина дней моихъ будетъ для меня достопамятнѢйшимъ твоимъ благодѢяніемъ; поспѢшай здѢлаться убійцемъ той, кото-

рая безъ твоей лютости была бы угнѣтенна своими напастьми.

Я бросилъ отъ себя шпагу , зрѣнїе мое устремилось на сїе пагубное писмо, которое держалъ я въ рукахъ: гнѣвъ мой паки возгорѣлся ; я усмотрѣлъ въ душѣ моей , усмотрѣлъ образъ Римберга, благодействующаго въ объятїяхъ мною обожаемаго предмѣта . . . При семъ изображенїи . . . готовъ былъ стократно умереть! я изпровергъ тотъ жертвенникъ , при коемъ долженствовалъ сей союзъ совершиться, все было оставлено и все кончилось для меня. Дерзнулъ даже въ неистовствѣ моемъ объявить сей мною больше нежели когда нибудь покланяемой женщинѣ, чтобъ она отказалась нашего брака и отъ моей любви, что она никогда не будетъ имѣть моей руки ни моего сердца, и что мы никогда другъ друга не увидимъ. Амелїя предалась отчаянїю : —— Такъ я не могла преодолѣть жестокой въ тебѣ ревности , которой ты самъ дѣлаешься первѣйшею жертвою! ты упорно отвергаешъ истинну : Римбергъ не что иное возбудилъ во мнѣ, какъ нѣкоторую благодарность, чувствованїе со всѣмъ различное отъ нѣжности, что я довольно испытала !

ла! Еще разъ повторяю, что я тебя ни чѣмъ не оскорбила; языкъ мой лжи никогда не зналъ; ты отрицаешься быть моимъ супругомъ и моимъ любовникомъ! но не ужъ ли ты отнимешъ у меня и то удовольствїе, чтобъ тебя видѣть! ты дерзаешъ быть моимъ тираномъ! Ахъ! жестокой! естьли я не могу имѣть твоей руки, и когда сердце твое для меня стало закрыто, то удостоишъ ли хотя сожалѣнїя? прими меня въ число твоихъ рабынь, и позволь мнѣ наслаждаться твоимъ лицезрѣнїемъ, и тебѣ оказывать мое усердїе; чтобъ я тѣмъ же питалась воздухомъ, которымъ и ты будешъ питаться; ты мнѣ возвратишъ мое первое состоянїе, въ которомъ я для углугъ твоихъ родилась. Какое выраженїе, государь мой, и то произтекало изъ устъ Амелїи. Я палъ предъ нею на колѣни: —— какъ? ты хочешъ быть моею рабыней, божественная моя обладательница! ето мнѣ должно быть твоимъ послѣднѣйшимъ невольникомъ. Ахъ! прости, прости мнѣ возлюбленная моя Амелїя; карай, терзай то сердце, въ которомъ ты царствовать не перестала; спаси природу отъ неистовствующаго, которой въ состоянїи здѣлаться свирѣпымъ чудовищемъ; я орошаю стопы

 твои

твои слезами ; люблю тебя ; вотъ причина моего ужаснѣйшаго мученія. Моей рабыней ! ахъ ! предписывай навсегда уставы тому , которой страстенъ тобою; сіе вседневно будетъ укрѣплять тотъ узолъ, которой меня соединитъ съ тобою; твой супругъ не престанетъ быть твоимъ любовникомъ . . . (Между тѣмъ примѣтилъ я у ней браслеты на руках), отъ ково ты получила сей подарокъ? отвѣтствуй, говори . . . Ето подарокъ Римберга, она мнѣ отвѣчала, которой онъ принудилъ меня носить; но я попираю его ногами , и тотъ часъ бросила ихъ на полъ; я поднялъ ихъ въ пущемъ неистовствѣ , и изломалъ въ мѣлкія части: —— и я могъ еще сомнѣваться въ моемъ злополучіи! Нѣтъ, недостойная Амелія, я на тебя больше не смотрю, тебя больше не слушаю, и я буду твоимъ мучителемъ; накажу то сердце, которое мнѣ измѣнило , гдѣ другой . . . Что я говорю, нещастный ? ступай , убѣгай моего взора; недопускай меня здѣлатся величайшимъ злодѣемъ ; нѣтъ не будетъ больше брака , стократно хочу лутче быть во гробѣ , и тамъ лишъ соединюсь съ тобою. Ахъ ! Римбергъ, Римбергъ . . . вѣроломной , придай мнѣ силы забыть сіе названіе;

званіе; ты долженъ меня слышать: извлекай сей образъ изъ моей души.

Я отталкивалъ Амелію, то къ ней падалъ на колѣни, въ неистовствѣ, наполненъ ярости и любви, приказывалъ готовить все къ моему браку, отмѣнялъ опять приказы, гонимъ былъ, такъ сказать, всѣми фуріями, таково то было мое состояніе.

Наконецъ рѣшился непремѣнно уничтожить нашъ союзъ, объявилъ сіе нещастной Амеліи пространнѣйшимъ писмомъ, въ коемъ предлагалъ ей всѣ мои сокровища: но при томъ изъяснилъ, что мнѣ не возможно къ симъ дарамъ присовокупить моей руки; на что получилъ слѣдующій отвѣтъ:

И такъ, я не могла восторжествовать надъ тѣми чувствованіями, кои для меня поносны! твоя ревность, твоя ужаснѣйшая ревность была сильнѣе, нежели моя любовь. Либманъ, въ послѣдній уже разъ сердце мое отверзается твоему взору. Я не могу себя упрекнуть ни чѣмъ; ты имѣлъ мое первое дыханіе, и послѣднимъ пожертвую тебѣ же, не смотря на твою несправедливость и холодность, ибо есть либъ ты меня любилъ; то сіи тучи тотчасъ бы прошли, и ты бы увидѣлъ въ Амеліи предметъ достойнѣйшій твоего съ нимъ соединенія. Ты могъ

 усу-

усумнится въ моемъ чистосердечіи! Я, еще повторяю, что я никогда незнала иныхъ чувствованій, какъ тобою вдохновенныхъ, и для тебя единаго. Римбергъ не иное что могъ бы отъ меня имѣть, какъ мое почтеніе, естлибъ онъ не оскорбилъ дружбы; будучи легковѣрнѣе тебя, потому что я больше тебя любила, нежели ты, истребила я всѣ подозрѣнія въ разсужденіи твоей сродницы, я столь была склонна вѣрить тому, что ты меня любишь, что единаго слова изъ устъ твоихъ довольно было, чтобъ возстановить спокойствіе въ моей душѣ; спокойствіе обманчивое! Я тебя сыскала, но потеряла моего друга, моего любовника и моего супруга! и когда ты отнимаешъ у меня имя твоей супруги, когда ты хочешъ убѣгать даже отъ моихъ взоровъ, и лишаешъ меня своей любви, то тѣмъ больше невинность мою поносишъ! ты предлагаешъ щастіе и сокровища той, которая оставила бы владычество цѣлаго свѣта, естьли бы ей было предлагаемо, для того только, чтобъ заслужить хотя единое изъ твоихъ чувствованій! сокровища! Либманъ! и ето ты меня до такой степени оскорбляешъ! Ты меня столь мало еще вѣдаешъ! Сокровища! какъ! ето ты мнѣ дѣлаешъ таковое предложеніе! оно для меня ненужно, единый лишъ для меня потре-

потребенъ гробъ; уже мой жребїй свершился. Въ то самое время, когда ты получишь сїе писмо, я перестану . . . . . и жаловаться болѣе не буду. Прости, я ласкаю себя, что твои угрызенїя, за меня тебѣ отомстятъ; ты будешь сожалѣть объ Амелїи; но будетъ уже позно . . . . смертельная хладность остудитъ то сердце, сердце исполненное тобою, о свирѣпѣйшїй и несправедливѣйшїй изъ всѣхъ человѣкъ! и твой образъ въ немъ загладится.

P S, я уже просила тебя о неоставленїи родителей моихъ: не ужъ ли ты ихъ накажешь за чрезмѣрную чувствительность нещастнѣйшей ихъ дочери? Не взирая на твою лютость, я знаю что въ тебѣ есть чувство великодушїя; и такъ я испрашиваю твоей благотворительности въ пользу сихъ бѣдныхъ виновниковъ моей жизни; симъ тебѣ доказываю, что я тебя еще люблю, и въ ту самую минуту, когда испускаю духъ сраженная тобою.

Я не окончавъ сихъ послѣднихъ словъ, бросился въ покои Амелїи; но ее тамъ не нашелъ, началъ кликать моихъ служителей, и требовалъ ихъ помощи; они со мною искали, и наконецъ нашли ее въ той самой комнатѣ, гдѣ мы теперь находимся . . . . Амелїя предстала моему взору, но блѣдна и неподвижна; я началъ обни-

обнимать тѣло бездыханное и употреблять всѣ средства къ оживотворенію. И сказать ли вамъ Амелія глаза свои открыла; но какимъ я пораженъ былъ ужасомъ когда мнѣ объявили, что надлежитъ съ поспѣшностію прерывать разпространеніе отравы! такъ, сказала она намъ издыхающимъ голосомъ, ядъ лютѣйшій разливается по моимъ жиламъ, что дѣлать, меня принудили небеса прогнѣвать . . . (она меня узнала). Не ужели ты пришелъ принять мое послѣднее дыханіе? Ахъ! Либманъ сіе сердце еще трепещетъ для тебя!

Я не стану васъ утруждать, государь мой, подробностями, кои мнѣ одному толко нужны. Представте себѣ чрезмѣрность моей скорби: она соравнялась моей любви. Амелія меня увѣдомила, что она въ отчаяніи своемъ, забывъ то, чѣмъ она себѣ долженствовала потушивши гласъ природы, и отвернувъ благочестіе, рѣшилась принять напитокъ, которой погрузилъ бы ее въ вѣчный сонъ. Она опасалась, чтобъ мое присудствіе не привело ее въ робость и ее бы неотвратило отъ ея намѣренія, для того она и пришла исполнить оное въ семъ мѣстѣ. Тогда я призывалъ все врачебное искуство. Употреблены

были

были самыя сильнѣйшія лѣкарства. Я былъ непрестанно предъ нею на колѣняхъ, испрашивалъ ее прощенія, возобновлялъ ей клятвы моей нѣжности, кои не нарушатся ни какими недостойными ее и меня подозрѣніями; моя неистовая ревность уже утихла, и я одной лишъ послушествовалъ любви, наконецъ и Амелія казалась въ глазахъ моихъ безвинна; а по маломъ времени получилъ я отъ Римберга писмо, которое и всѣ тучи моего сомнѣнія разогнало: онъ будучи смертельно раненъ въ поединкѣ съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, хотѣлъ, говорилъ онъ, прежде своей смерти, исповѣдать истину, и симъ признаніемъ получить отъ всевышняго прощеніе и разрѣшеніе въ его злодѣяніяхъ; онъ представилъ мнѣ все то, что вымышлялъ, дабы вовлечь Амелію въ сѣти; и явно признавался, что онъ не могъ возторжествовать надъ ея добродѣтелію, и тѣмъ окончилъ, что просилъ меня быть чувствительнымъ къ его раскаянію. Ахъ! вскричалъ я, моя божественная Амелія ничего не имѣетъ къ своей укоризнѣ! я стану обладать ею! мнѣ принадлежать будутъ ее прелести, ее вѣрность и ее сердце, надлежитъ поспѣшать . . . . такъ, я буду ее су-

пругомъ; такъ возлюбленная Амелія, мы жить будемъ другъ для друга; возвратимся въ то пристанище, которое будетъ нашимъ міромъ, тамъ то я всѣ дни мои посвящу тебѣ на поклоненіе, потщусь привести у тебя въ забвеніе преступную мою запальчивость; преселимся въ тѣ мѣста, кои видѣли твое рожденіе, ты станешъ повелѣвать твоимъ любовникомъ и всею природою. Ахъ! больше нежели когда нибудь Либманъ станетъ почитать твое владычество.

Я съ поспѣшностію отдалъ приказы; всѣ занимались пріуготовленіемъ къ нашему браку. Его торжествовать надлежало въ томъ жилищѣ, которое называлъ я отечествомъ Амеліи; празднество сколь пріятное, столь и величественное насъ ожидало; я былъ наищастливѣйшій изъ смертныхъ; я ничего не видѣлъ, и ничего болѣе не ощущалъ кромѣ будущихъ безпрерывныхъ наслажденій любви и благоденствія, истребилъ все воспоминаніе прошедшихъ моихъ напастей; Римбергъ и вся земля изчезли въ памяти моей, какъ противный сонъ при благополучномъ востаніи проходитъ; я наблюдалъ того часа, въ которой здравіе Амеліи долженствовало укрѣпиться, и уже приближался къ сей толико ожидаемой

минутѣ.

минутѣ. Никогда я не имѣлъ болѣе надежды, и никогда больше не любилъ; разговаривалъ съ моею обожаемою обладательницею о томъ щастіи, которое я себѣ воображалъ, описывалъ ее забавы, кои намъ уготованы.

Сей день наконецъ возсіялъ, въ которой надлежало мнѣ соединиться съ тѣмъ, что я боготворилъ! Амелія . . . . Ето сама природа въ ее прелестяхъ явилась, она собою украшала искуствомъ изобрѣтенныя убранства, какая красота! какая ето любовь! примолвлю еще, прошедшее отъ глазъ моихъ сокрылось; я зрѣлъ ликъ радостный и плѣняющій; погружался въ обаваніи, голосу моего не доставало къ выраженіямъ, я сжималъ съ нѣжностію руки Амеліи, и проливалъ слезы, кои суть найживѣйшіе знаки горячности безпримѣрной.

Мы вошли въ церковь. Я не знаю, говоритъ мнѣ Амелія, колѣни мои подгибаются . . . . . силы меня покидаютъ! остановимся на часъ; можетъ быть произходитъ ето отъ чрезмѣрной радости? . . . . . Либманъ, поддержи меня . . . . Я подхватилъ ее съ поспѣшностію подъ руки; просилъ помощи. Амелія начала говорить голосомъ почти издыхаю-

дыхающимъ : Либманъ . . . . . гдѣ ты ? въ твоихъ ли я объятіяхъ ? Либманъ , я больше тебя не вижу ! я больше не слышу ! . . . . . по малой мѣрѣ понесу ли я съ собою во гробъ имя твоей супруги ! . . . . . дражайшій Либманъ . . . . . подойди ко мнѣ . . . я умираю . . . . мои родители . . . . . прими мою душу, и . . . . . люби меня вѣчно.

Въ семъ мѣстѣ Графъ сраженъ былъ горестію: тяжкіе вздохи слова его прерывали, и долгое время былъ наклонившись ; я хотѣлъ его поднять, но онъ бросился къ портрету Амеліи , проливая токи слезъ : — возлюбленная моя Амелія , я съ однимъ лишь разговариваю тщетнымъ изображеніемъ! безъ пользы орошаю его моими слезами ! они ліются на безчувственный убрусъ . . . . . на безчувственный , какое изрѣченіе ! когда я умираю отъ любви, и когда тебя наибольше обожаю. Для чего я не могу возвратить тебѣ жизни хотя на одну минуту , на одну минуту ! . . . . . ты бы увидѣла . . . . . ты бы узнала, сколь много Либманъ тебя любилъ. Чувствуете ли, государь мой , выраженія, кои подаютъ вамъ понятіе о состояніи , въ которомъ я находился, когда я увѣренъ былъ, что Амелія была у меня похищена

безъ

безъ возврату, что сей составъ украшенный толиками прелестьми, былъ не что оное, какъ только хладный и бездушный трупъ, которой сжималъ я въ иступленіи моими руками . . . . ее больше не было! я не отучаю себя отъ сихъ ужасныхъ мыслей! сія утрата въ душѣ моей еще не состарѣлась! я вижу гробницу, великолѣпное погребеніе, и блѣдные свѣтильники; слышу плачевный гласъ разпространяющійся на семъ мѣстѣ, которое сокроетъ на вѣки божество моей души.

Я повергся подобно лишенному жизни, и не для чего выходилъ изъ глубокаго моего усыпленія, какъ чтобъ взирать на сей монументъ, въ коемъ заключалась Амелія: это было дѣйствіе отравы, которое причинило ей сію неожиданную смерть, лѣкарства только на время оную удержали, и утаили отъ насъ разпространеніе оной: я предался моему отчаянію, побѣжалъ въ средину дремучаго лѣса, кликалъ во весь голосъ Амелію. Бывали и такіе часы, въ кои казалось мнѣ, что я ее слышу, что я вижу ее въ темнотѣ ночной востающую предо мною, сквозь листвія густыя, простирающую ко мнѣ руки, я подбѣгалъ къ ней, и привидѣніе изчезало. Когда же я обымалъ

малъ сію гробницу, которая прахъ ее содержитъ, мнѣ казалось, что я чувствовалъ трепетаніе; неужъ ли чувствительность въ усопшихъ вовсе потухаетъ? Предмѣтъ единственный, предмѣтъ всей нѣжности моей, ахъ! ты не вѣдаешь, сколь ты много мнѣ любезенъ! ты не видишъ слезъ моихъ! и не внимаешъ воплю моему.

Одинъ добродушный пастырь отвлекъ меня отъ устремленія противу моей жизни. Онъ влiялъ въ грудь мою утѣшеніе, которое одна токмо вѣра и благочестіе принести въ состояніи. Такъ, государь мой, я довольно изпыталъ, что потолико ужаснымъ нещастіямъ, одна только вѣра можетъ еще сохранить въ насъ душу; моя однакоже неизцѣлима; я отрекся отъ всего; влачу иго моей скорби . . . . Сложу его въ семъ убѣжищѣ, гдѣ я видѣлъ умирающую . . . . Ахъ! государь мой, какая Божественная женщина! И ето я, ето я, которой низринулъ ее во гробъ! моя ревнивость, моя адская ревнивость ее умертвила! Доколѣ мой прахъ съ ее не соединится, дотолѣ она вседневно принимать станетъ мои сокрушенія и слезы. Сіе единое для меня утѣшеніе; единственное мое упражненіе, и сіе одно чувствованіе

ванїе удерживаетъ меня въ свѣтѣ. Такъ, ето десница всевышняго, направила стопы ваши въ сїи мѣста, дабы принять мое послѣднее дыханїе; онъ дозволилъ, чтобъ душа чувствительная пронзалась всѣмъ тѣмъ, что я претерпѣваю. Я отъ васъ не скрою, что я изливши предъ вами мое сердце, вкусилъ нѣкоторый родъ сладчайшаго утѣшенїя, котораго я отнюдъ не ожидалъ: оно весьма обремененно горестїю! я вамъ говорилъ объ Амелїи, и сїе будетъ послѣднее слово, которое произносить будетъ мой ослабѣвшїй голосъ. Государь мой, прошу васъименемъ человѣчества, не покидайте меня. Всевышнїй вамъ воздастъ за сїе толь великодушное дѣло: ахъ! сохрани васъ Боже испытать когда нибудь таковой ударъ, которымъ я сраженъ! потерять все, что любишъ! . . . . и остаться еще живу.

И подлинно, состоянїе Либмана стало быть моимъ собственнымъ, такъ что я не могъ ево оставить, онъ былъ изъ числа тѣхъ нещастныхъ, коимъ не льзя положить мѣры сожалѣнїя. Чужестранецъ ли онъ для сердца сострадательнаго? я почиталъ Графа моимъ искреннимъ другомъ. Однакоже обстоятельства дѣлъ моихъ, принудили меня отстать

стать отъ его сообщества; онъ плача въ объятїяхъ моихъ говорилъ мнѣ; я думалъ было, что всѣ уже удары нещастїя истощены надо мною; но вашъ отъѣздъ заставляетъ меня чувствовать, что осталась еще новая трата, которую я долженъ понести. Я обнадеживалъ его, что съ нимъ увижусь, какъ скоро обстоятельства дѣлъ моихъ дозволятъ. Я исполнилъ мое обѣщанїе, первое свободное время употребилъ на свиданїе съ симъ достопочтеннымъ нещастливцемъ; и нашолъ его въ постелѣ борющагося съ печалїю. Едва онъ меня примѣтилъ, то силился подать мнѣ свою руку и меня обнять. Ахъ! мой единственный другъ, говорилъ онъ мнѣ, я опять васъ вижу! хвала всевышнему творцу, которой вскорѣ меня отъ ига жизни свободитъ, какою благодарностїю я вамъ долженствую! вы прїѣхали благовремянно, чтобъ закрыть мои глаза; въ вашихъ объятїяхъ испущу я послѣднее мое дыханїе.

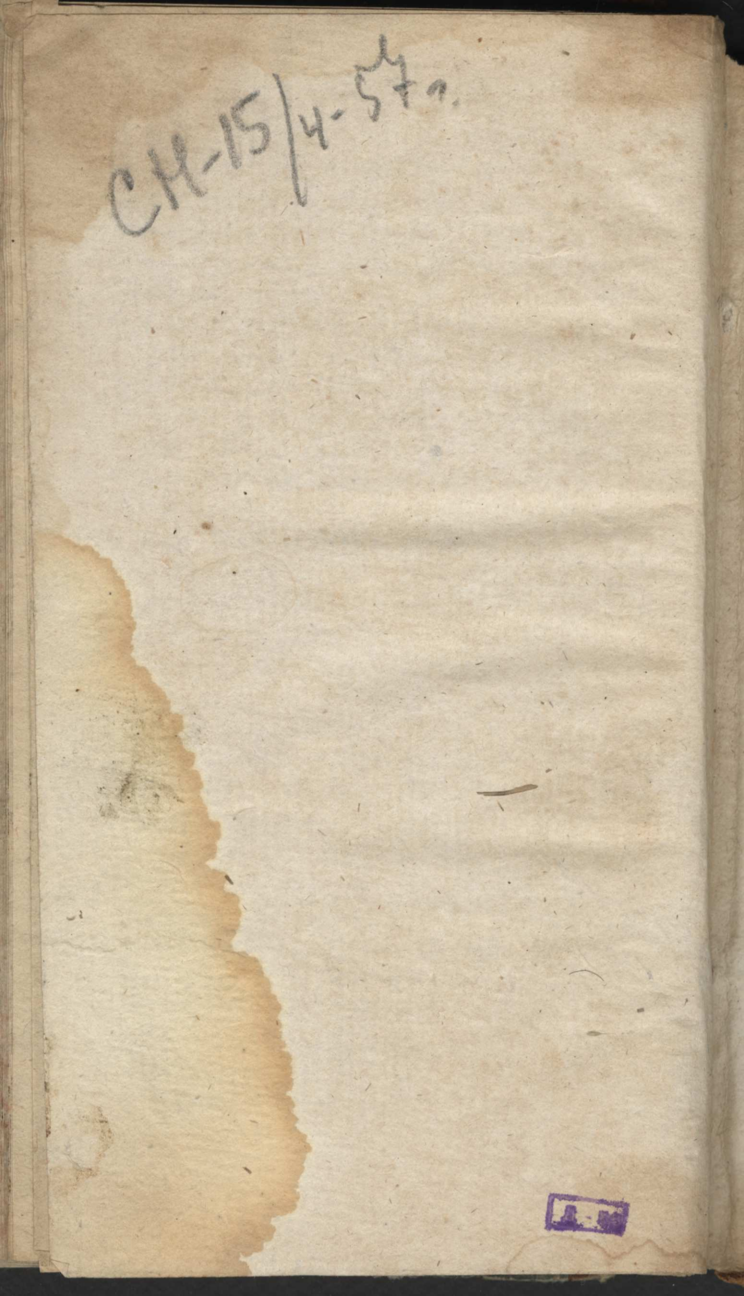
Я хотѣлъ подать Либману утѣшенїе и ободрить его, не умалчивалъ о предмѣтѣ его скорби, говорилъ ему объ немъ непрестанно, и имѣлъ удовольствїе продлить жизнь его на нѣсколько дней; отъ него же не слышалъ ничего опричь имени Амелїи;

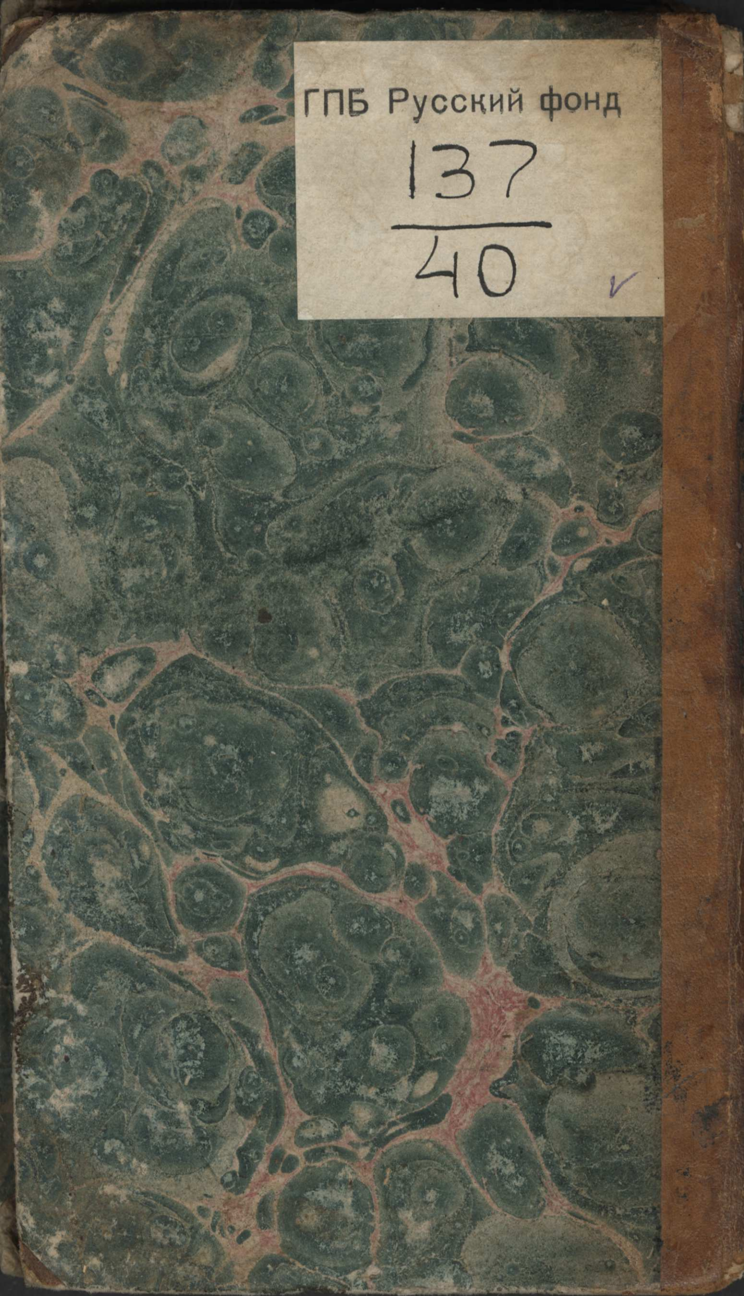
и

и когда онъ не могъ уже болѣе изъясняться, то показывалъ мнѣ портретъ, которой онъ цѣловалъ, сопровождая тяжкими стенаніями. Наконецъ оставивши въ своемъ завѣщаніи знакъ своего благодѣянія къ родителямъ Амеліи, и бѣднымъ, Либманъ въ рукахъ моихъ скончался. Онъ при смерти своей просилъ меня, чтобъ я положилъ его въ томъ же гробѣ, въ коемъ заключалась его нещастная любовница; что было по желанію его и исполнено; онъ отказалъ мнѣ рисунокъ, который представлялъ его плачущаго надъ симъ печальнымъ монументомъ; я его сохраняю какъ дражайшій залогъ дружества; глаза мои съ его образа не сходятъ; я слышу въ немъ Либмана, и съ нимъ разговариваю; такъ, мой любезный Либманъ, до послѣдняго издыханія воспоминать стану о человѣкѣ нещастнѣйшемъ и достойнѣйшемъ моего сожалѣнія и моей горячности, взирать буду съ умиленіемъ на твои слезы, стану воздыхать съ тобою, и ты оживешъ въ моей душѣ. Въ однихъ токмо безчувственныхъ сердцахъ дружба умираетъ; но въ тѣхъ, кои умѣютъ любить, пребываетъ она во вѣки.

и когда онъ не могъ уже болѣе изъ-
ясняться, то показывалъ мнѣ пор-
третъ, который онъ цѣловалъ, сопро-
вождая тяжкими стенаніями. На-
конецъ оставивши въ свѣтѣ залогъ
щедрый знакъ своего благоволѣнія къ
родителямъ Амаліи, и бѣднымъ,
Альманъ въ рукахъ моихъ скончался.
Онъ при смерти своей просилъ меня,
чтобъ я положилъ его въ томъ же
гробѣ, въ коемъ заключалась его не-
счастная любовница, что было по
желанію его и исполнено; онъ от-
казалъ мнѣ рисунокъ, который пред-
ставлялъ его плачущаго надъ симъ
печальнымъ монументомъ, а его сер-
дце такъ хранящій залогъ дру-
жбы: глаза мои съ его образа не
сходятъ; я сдѣлаю въ немъ Альмана,
и съ нимъ разговариваю; такъ, мой
любезный Альманъ, до послѣдняго
издыханія вспоминать стану о до-
бродѣтеляхъ несчастнѣйшаго и достой-
нѣйшаго моего сожалѣнія и моей
горячности, вырвать буду съ удово-
ствіемъ на твои слезы, стану возды-
хать съ тобою, и ты окажешься въ
моей душѣ. Въ однихъ токмо без-
чувственныхъ сердцахъ дружба уга-
саетъ; но въ тѣхъ, кои умѣютъ
любить, пребываетъ она во вѣки.

CH-15/4-5

ГПБ Русский фонд
137
40